

Комьюнити

Автор:

Алексей Иванов

Комьюнити

Алексей Викторович Иванов

Дэнжерологи #2

«Гениальный айтишник изобретает “семантический интернет” – методику Web 3:0, и “семантический” портал порождает IT-компанию с коммерческим потенциалом “Фейсбука”. Но в одном из комьюнити, которыми обрастает новый ресурс, вдруг появляется тема Чёрной Смерти – самой жуткой эпидемии в истории человечества. И участники комьюнити, сами того не замечая, тонут в мороке средневековой чумы. Они уже наяву видят “чумных докторов”. Абракадабру – демона чумы, и Королеву Чуму. Зачумлённое комьюнити убивает людей. Но кто запустил программу чумы, зачем, и как чума вышла в реал? Если угодно, это жанровый роман: мистический триллер о смерти по интернету со стилизацией под сетевой форум. Если угодно – детектив о жестокой перемене собственника в IT-корпорации. Если угодно – “очерк нравов” о провинциалах в столице. Но в целом “Комьюнити” – антиутопия о перемещении законов онлайн в оффлайн. В обществе потребления агрегаторы сами формируют для человека картину мира, фальшивую, но приятную, а соцсети, созданные для объединения людей, потихоньку разъединяют. Это и есть пресловутое “восстание машин”, и оно давно уже началось». Алексей Иванов

Алексей Иванов

Комьюнити

ВИКИПЕДИЯ: СТАТЬЯ «ДЭНЖЕРОЛОГИЯ»

Дэнжерология – профессиональный жаргонизм, производимый от английского «danger» – «опасность». Обозначает а) науку – синтез эзоцэики, культурологии и различных отраслей других дисциплин (истории, антропологии, социологии, статистики и т. д.), изучающую паранормальные свойства арт-объектов и исторических реликвий; б) практическую деятельность по обнаружению, изучению и «обезвреживанию» опасных для человека арт-объектов и исторических реликвий.

Церковная дэнжерология

Традиционно считается, что дэнжерология в виде системы воззрений и практических навыков зародилась в недрах института католической церкви как инструментарий комиссий по установлению чудотворности икон. Базовым основанием чудотворности церковь считает концепцию Божьей благодати. Эта идея впервые была сформулирована блаженным Августином, возводившим культ чудотворных икон к теургическим практикам неоплатоников.

В католичестве различают 5 периодов развития дэнжерологии:

«До-Августинский» период – до V века, когда теория будущей дэнжерологии выводилась из трудов Фалеса Милетского, а практика – из античных мантик.

«До-Фоминский» период – до XIII века, когда теория и практика будущей дэнжерологии выводились из философии Аристотеля.

Доминиканский период – до XVI века, когда возобладала концепция Благодати Господней.

Реформационный период – до конца XIX века, когда основные постулаты дэнжерологии вновь были сведены к учению Аристотеля.

Новый период – до наших дней, когда в теорию и практику дэнжерологии активно включались положения современной науки.

С «Авиньонского пленения пап» начинается развитие не-церковной дэнжерологии, сливающееся с эзотерическими практиками Европы, а потом

Востока: с астрологией, нумерологией и т. п. Теоретики «светской дэнжерологии» опирались на труды Роджера Бэкона. Считается, что «светская дэнжерология» прошла два этапа развития: «алхимический» и «масонский». В конце XIX века произошло воссоединение «светской» и «церковной» ветвей дэнжерологии.

Кроме того, с XI по XIV века развивалась т. н. «дэнжерология крестоносцев» или «еретическая дэнжерология», вдохновлённая буллой папы Урбана II. По её утверждениям, сфера применения знаний и навыков «дэнжерологов» той эпохи – борьба с проявлениями дьявола. С окончанием крестовых походов это направление дэнжерологии разделилось и слилось частично с экзорцизмом, частично с практиками Каббалы.

В настоящее время церковная дэнжерология сохранилась в виде Малого дикастерия Святого Престола при Ватиканской Пинакотеке.

Светская дэнжерология

В настоящее время наиболее значимыми являются дэнжерологи-ческие организации Ватикана (Малый дикастерий, см. выше), Великобритании, США, Израиля и России.

Первый светский центр дэнжерологии был создан при Департаменте юстиции США в 1902 году как «Свободный комитет шауни». Параллельно расследованию убийства президента Уильяма Мак-Кинли он расследовал т. н. «проклятие Текумсе», преследующее президентов США. В 1908 году «Комитет шауни» был передан в ведение Бюро Расследований (будущее ФБР) и при Эдгаре Гувере получил современное название – «Офис E-502».

В 1929 году при Британском музее была создана «Комиссия Карнарвона», которая расследовала т. н. «проклятие фараонов». Сфера деятельности Комиссии постепенно расширилась до изучения всех паранормальных явлений, связанных с экспонатами Британского музея и других государственных музеев Англии, и в 1931 году Комиссия была преобразована в «Лабораторию имени Говарда Картера».

В 1935 году в Германии учёный и мистик Герман Вирт создал общество «Аненербе», которое в 1937 году рейхсминистр Гиммлер интегрировал в состав СС. Это было самое деятельное дэнжерологическое подразделение с самым щедрым финансированием со стороны государства. В 1945 году, после падения Третьего Рейха, «Аненербе» прекратило существование, а специалисты и архивы перешли в ведение секретных отделов НКВД СССР.

С 1938 по 1943 год при Стамбульском университете работала дэнжерологическая кафедра исламских памятников, которую возглавлял профессор Ахмет-Заки Валиди.

С 1946 года в Центре изучения Каббалы читается курс «Сефер Ашлага», введённый равви Иегудой Ашлагом. При Центре в Иерусалиме действует «Скиния сайаним», занимающаяся дэнжерологической практикой. Поскольку эмблемой службы является менора. «светильник знаний», распространено мнение, что «Скиния сайаним» – законспирированное подразделение Моссада. Труд Иегуды Ашлага «Сефер Ашлага» является одним из основополагающих руководств современной дэнжерологии.

На сегодняшний день в мире существует около 70 дэнжерологических организаций. Европейские организации объединены в Ассоциацию NASS со Штаб-квартирой в Базеле. Швейцария. В 1988 году NASS стало подразделением 20 кластерного офиса (офиса «дигамма») ЮНЕСКО. Финансированием деятельности негосударственных организаций дэнжерологии занимается Континентальный музейный фонд (КМФ).

Дэнжерология в России

В допетровской России не существовало отдельно оформленного церковного института дэнжерологии, понимаемой в то время исключительно как службы канонизации святых и установления подлинности чудотворных, мироточивых, явленных и проч. икон, а также борьбы с ересями. В синодальный период истории РПЦ 17 департамент Синода (т. н. «Департамент святого обращения»), в ведении которого находились вопросы, подпадающие ныне под компетенцию дэнжерологии, был создан лишь в 1826 году, т. к. в XVIII веке РПЦ был канонизирован лишь один святой, а после смерти императора Александра I по России стали распространяться слухи об уходе императора «от мира» и его

тайной жизни под именем старца Федора Кузьмича. Самые известные расследования 1 7 департамента – дело № 22 «о Кузьке-боге», дело № 70 «о возвращении самосожжённых», дело № 77 «о святой Кикладе», дело № 1 06 «о ковчеге Завета», дело № 1 30 «о Палестинском обществе», дело № 141 «о жертвоприношении инородцев» (дело нашло отзвук в романе Л.Толстого «Воскресение»). дело № 1 89 «о святом чёрте Григории Распутине».

Светская дэнжерология России связана с именем искусствоведа Игоря Грабаря. По его инициативе и под его началом в 1 904 году был создан общественный комитет по определению подлинности различных списков и вариантов иконы Казанской Богоматери, которые выдавались за спасённую от вандала подлинную икону. Дэнжерологическая деятельность было продолжена в 1 91 8 году созданием отдела при Реставрационных мастерских, которые возглавил Грабарь. С его уходом с поста руководителя в 1 930 году и разгромом мастерских в 1 934 году все работы прекратились.

Дэнжерологическая деятельность возобновилась в СССР в 1 942 году, когда до сведения маршала Георгия Жукова была доведена история вскрытия гробницы Тамерлана 22 июня 1941 года в Самарканде в мавзолее Гур-Эмир. При отделе партийной работы НКВД СССР был создан Комитет культурных влияний, который добился возвращения праха Тамерлана в мавзолей. Координатором Комитета был назначен И.Грабарь, которому в 1944 году разрешили вновь открыть Реставрационные мастерские. При них Комитет действовал до 1 960 года, потом, после смерти Грабаря, был передан в ведение Государственного Эрмитажа (т. н. «Отдел четвёртого этажа»), при котором действовал до 1 992 года под патронажем КГБ СССР. Круг расследуемых вопросов касался только арт-объектов и реликвий не-российского происхождения. В качестве консультантов привлекались такие специалисты, как Дмитрий Лихачёв. Юрий Лотман, Михаил Гаспаров, Владимир Пропп, Борис Рыбаков, Отто Бадер, Яков Лурье и др.

В 1992 году отдел выделился из состава Эрмитажа в самостоятельный государственный НИИ культурологических исследований, но в 1995 году прекратил существование из-за отсутствия финансирования. Несколько сотрудников НИИ организовали частную дэнжерологическую службу России (ДСР), которая в 1997 году вошла в европейскую Ассоциацию NASS.

Теория дэнжерологии

Дэнжерология рассматривает арт-объекты и исторические реликвии как носители или аккумуляторы больших объёмов информации. Вещь, запечатлевшая в себе важную поведенческую стратегию определенной культурно-исторической ситуации в дэнжерологии получила название «сабдъект». В среде, которая породила «сабд-жект», он безопасен, потому что его «программа» полностью тождественна поведенческим стратегиям среды. Когда «сабдъект» переносится в иную среду, он может становиться опасным, т. к. стратегия поведения, которую он продуцирует, в новой среде может нести угрозу для человека. Устранение этой угрозы и есть поле деятельности дэнжерологов-практиков.

Существуют две школы дэнжерологии.

Принстонская школа дэнжерологии («психологическая») полагает, что информационный обмен между человеком и «сабдъектом» происходит вне сознания человека и этим приближается к «архетипической психологии» Джеймса Хиллмана. Человек, подвергшийся воздействию «сабдъекта», начинает вести себя по программе «сабдъекта», не отдавая себе в том отчёта. Таким образом, «сабдъект» меняет стратегии поведения человека, следовательно, выступает в качестве «гипнотизёра».

Школа дэнжерологии Хьюго Перселла («паранормативная») считает, что «сабдъект», пользуясь ментальной активностью реципиента, меняет среду вокруг него, а человек не подвергается «внушению» со стороны «сабдъекта» и действует вполне осознанно, но не осознаёт изменения среды.

Методика и практика дэнжерологического расследования

Дэнжерологическое расследование обычно подразделяется на четыре этапа.

Первый этап: обнаружение аномалии. Действие «сабдъекта» проявляется в появлении аномалий и перверсий: резких и необъяснимых перемен жизни, типологически-единых аберраций поведения нескольких субъектов, смертей, фобий, локальных поверий, видений и т. п. На этом этапе используются методы статистики, социологии, психологии и социальной медицины.

Второй этап: обнаружение «сабджекта». Анализируя аномальные явления, дэнжеролог устанавливает продуцирующий их «сабджект». На этом этапе используются методы исторического расследования, искусствоведения и криминалистики.

Третий этап: выяснение механизма действия «сабджекта». Путём опытов и практических наблюдений дэнжеролог проводит идентификацию «сабджекта» и анализ культурно-исторической несовместимости среды его появления и окружающей «сабджект» среды. На этом этапе используются методы психологии, культурологи и естественных наук.

Четвёртый этап: нейтрализация «сабджекта». Изменение статуса «сабджекта» всегда ситуативно и зависит от наличествующих обстоятельств. Уничтожение «сабджекта» считается свидетельством непрофессионализма.

1

Глебу, в общем, наплевать было на усопшего. Кто ему Лев Гурвич – сват, брат, работодатель? Никто. Глеб нахмурился, словно внезапно вспомнил о какой-то скорбной заботе, и боком осторожно двинулся через небольшую толпу к выходу из церкви. Пол в храме был затоптан мокрыми ногами, а от горящих свечей ощутимо тянуло теплом.

Батюшка громко, быстро и невнятно тараторил молитвы, деловито вышагивал вокруг гроба и качал звякающим на цепочке кадиллом. Люди, пришедшие на похороны Гурвича, пережидали отпевание с некоторой неловкостью. Поп вёл себя как-то уж очень сноровисто, без почтения к смерти. Но одёрнуть его было некому, потому что молитв и правил службы никто не знал. Откуда взяться таким познаниям у бизнесменов и сисадминов? Хоронили-то софт-мастера из пятёрки лучших IT-инженеров страны. Просто покойному при жизни было по хрен, что Россия – «Нигерия в снегу», как сказал Брин, поэтому сейчас он лежал не в шезлонге на песках Biscayne Bay, а в полированном ящике в храме Иконы Божией матери «Всех скорбящих Радость» на Калитниковском кладбище города-героя Москвы, эР-эф.

Какого фига Гермес затеял это шоу с отпеванием? – раздражённо думал Глеб, с трудом выталкивая перед собой тугую храмовую дверь. Если Гурвич и был православным, то крестился явно по приколу. Жил он только себе в кайф, поэтому плакать о нём некому. Из людей его интересовали одни девки Пети Листермана. Но ведь нужно хоть как-то проводить человека, который создал «ДиКСи»... Пожалуй, Гермес прав: панихида – оптимальный вариант. Что ж, Гермес всегда прав. Богам – им всегда виднее.

Глеб вышел из храма, отошёл подальше от нищих на паперти, вытащил из кармана пальто пачку Marlboro Golds и прикурил сигарету от зажигалки Zippo. Marlboro правильно поджигать только Zippo. Парень, если ты хочешь себе место на рынке, тогда живи по правилам. Гермес как-то обронил, что правила важнее премиум-класса. Эта мысль позволяла надеяться на рост.

В городе-герое Москве, в эР-эф и на планете Земля заканчивался ноябрь. Над заснеженными куполами храма и колокольни кружились и кричали галки. А стыло-серое небо сюда будто бы кто перетащил из прошлого Глеба, как одеяло. Такое же небо висело над северным городом Апатиты, откуда Глеб двадцать лет назад убежал в столицу.

Родом из Апатитов был ещё и Андрей Малахов. Как-то в начале нулевых Глеб лежал на продавленном диване в съёмной московской хрущобе и смотрел по СТС «СВ-шоу» с Веркой Сердючкой. «А чего ты из Апатитов уехал? – ехидно спросила Верка у Малахова. – Апатия замучила?» Да, лично его, Глеба, замучила. Да, здесь его тоже может накрыть небом Апатитов, как вот сейчас, но есть способы отвлечься.

Глеб достал айфон, набрал и отправил в Твиттер сообщение: «Стою в церкви на отпевании айтишника. Полный сюр». Глеб давно перестал воображать себе того идиота, которому интересно знать, чем он, Глеб, сейчас занят, что он чувствует и что думает. Твиттерил Глеб уже для себя.

Писать в Твиттер его обязал Гермес. Так правильно по статусу. Поначалу Глеб считал Твиттер тинейджерской дурью, но потом свыкся и вошёл во вкус. Твиттер легко подыскал себе место даже в плотном рабочем графике: он оказался подобен курению. Сообщения были короткие, будто сигареты. Они отмеряли микроритмы жизни, будто перекуры.

Глеб, филолог по образованию, вспоминал, как у Астафьева в «Оде русскому огороду» бабушка ругала деда, копавшего грядки: «Борозду пройдёт – папирёсу! Борозду пройдёт – папирёсу!» Это и был русский народный Твиттер, но только господу богу. А мелко лгать в депешах – естественно, словно курить не взятяг.

Глеб направился к воротам кладбища – к столбикам из жёлтого кирпича – и бросил окурок в урну. За чёрной решёткой ворот светлела свежим снегом небольшая площадь: слева в ряд стояли джипы тех, кто приехал хоронить Гурвича, справа – синие кабинки биотуалетов. Глеб решил не возвращаться в церковь, а ждать возле могилы. Он прошёл мимо конторы кладбища и углубился в аллею.

Айфон оставался в ладони. Глеб вывел портал «ДиКСи» и настукал в поисковике: «Калитниковское кладбище». До айфона Глеб не знал, что доступность информации делает жизнь очень чувственной. Как-то волнует, что ты можешь сразу узнать всё о любом явлении и любом месте. Ну, будто бы ты можешь заглянуть под юбку любой женщине, и за это тебя будут уважать как серьёзного исследователя. С айфоном ты кажешься себе очень укоренённым в жизни, допущенным к тайне, следовательно, к принятию решений – хотя это неправда. Однако удовлетворение любопытства обычным способом не тешит самолюбия так, как удовлетворение через айфон: за это удовольствие люди и потрошат свои кошельки, оплачивая трафик.

Кстати, усмехнулся Глеб, Калитниковское кладбище – не от слова «калитка», а от слова «калита», то есть кошелёк. Раньше здесь была слобода Калитниковская, где жили мастера, что шили кошельки. Н-да, и в старину Москве нужны были целые слободы для пошива кошельков.

«ДиКСи» паковал информацию ёмким дайджестом. Калитниковское кладбище основали в 1771 году во время эпидемии чумы. Сотни возов с трупами выезжали за Камер-Коллежский вал через Спасскую заставу и вываливали мертвецов в ямы на пустыре у Калитниковской слободы. Потом могильники стали обычным кладбищем. В 1838 году здесь построили нынешнюю церковь. Хоронили тут богатых крестьян, небогатых купцов, разночинцев и прочую интеллигенцию.

Из интересных персон, упокоенных на Калитниках, Глеб встретил Роберта Фалька, художника из объединения «Бубновый валет». Авангардисты «Валета» писали нечто крикливо-кривое и угловато-цветастое. Фальк, весь такой креативный и продвинутый, в 1928 году эмигрировал в Париж, но в славном

1937 году по приглашению друга, краснознамённого лётчика, вернулся в СССР и прожил в Москве два вполне благополучных десятилетия, хотя его и трепали за формализм.

А ещё на этом же кладбище лежал рэпер Ратмир Шишков. Он был из знатного цыганского рода, потусовался на «Фабрике звёзд», а потом самовыражался в R&B-группе «Банда» с Домеником Джокером и Тимати, такими же мутантами, как и сам. Мартовской ночью 2007 года он погиб в компании друзей – пьяных мажоров: их «мерседес» летел на красный свет и врезался в борт легковушки на углу Садовой-Спасской и Орликова переулка. Пять трупов. Ратмиру было девятнадцать лет.

Двигая иконки по экрану айфона, разворачивая и сворачивая информационные окна, Глеб думал, что авангардист и рэпер на старом чумном кладбище – тоже сюр не хуже отпевания айтишника.

Глеб неторопливо шагал по асфальтовой дорожке между могилами. Дорожку обжимали чёрные ограды – то чугунные, литые и витые, а то обычные, сваренные из уголка и прута. Голые ветви высоких деревьев переплетались, продолжая узоры оград. За крестами и стволами верб виднелись унылые плоскости бетонных плит, из которых состояла внешняя стена кладбища. А дальше в хмари угадывались громады многоэтажных домов со стороны Волгоградского проспекта.

Глеб прочитал, что на Калитниках похоронена блаженная старица Ольга. Она прожила больше века и умерла 23 января 1973 года. Глеба это неприятно задело. 23 января 1973 года в городе Апатиты Мурманской области родился он сам, Глеб Сергеевич Тяженко.

В миру старицу звали Марией Ложкиной. Дворянка и монахиня, она каким-то образом уцелела в ГУЛАГе и после войны пристроилась жить в полуподвале близ Таганской площади. Старица совершала странные чудеса: с утра брала две сумки и шла бродить по Москве. Если встречала сердитого или грустного человека, то просила его помочь поднести поклажу. Человек помогал – и к нему возвращалась радость жизни. Эта история была какая-то очень московская, когда дурное настроение – проблема, которую решают специальные люди.

Новые захоронения на Калитниковском кладбище проводили только в порядке исключения – на двух участках в дальнем конце. Гермес добился, чтобы для Гурвича сделали исключение. Более того, Гермес добился, чтобы тело Гурвича не кремировали, а похоронили. Гермес хотел, чтобы у Гурвича была могила, а не ячейка в стене колумбария. Глеб не знал, зачем Гермесу могила Гурвича. Понятно, что Гурвич – друг и партнёр, но ведь не собирался же Гермес бегать к нему на могилку в каждый престольный праздник...

Глеб увидел яму для Гурвича. Её выкопали между двумя старыми захоронениями почти у бетонной стены кладбища. Глеб остановился поодаль, на асфальтовой дорожке, чтобы не пачкать ботинки в глине. Конечно, нехорошо думать о ботинках, когда рядом такое горе... Но в данный момент вокруг не было скорбящих, готовых оскорбиться чужим циничным чистоплутьством. Глеб убрал айфон и натянул перчатки.

Рядом с ямой находилось какое-то надгробие – каменный ящик, накрытый толстой плитой с профилированной кромкой. Над ящиком возвышался крест. В высоту конструкция достигала Глебу до плеча. Ограда отсутствовала. И что-то с этой могилой было неправильно...

Глеб рассматривал заснеженный крест. Вертикальный монолит креста был широким сверху, а вниз сужался на клин. Горизонтальная перекладка выступала совсем ненамного. В общем, у креста был стильный дизайн, который не вязался ни с барокко восемнадцатого века, ни с классицизмом девятнадцатого. Для модерна начала двадцатого столетия слишком скуп и сурово. Получается, памятник новый? Значит, ещё живы те, кто лично знал погребённого? Но почему же тогда могила без ограды, которая отделяет личное сакральное пространство от публичного?

Может быть, это могила московской старицы Ольги? У неё нет родни, которая огородила бы могилу, но есть почитатели. Поисковик «ДиКСи» сообщал, что самый большой крест Калитниковского кладбища – на могиле схимонахини Ольги. Вроде бы крупнее этого креста Глеб других крестов не заметил. Хотя, конечно, он не смотрел внимательно.

Плечи Глеба передёрнулись под пальто. Если это могила старицы, то на ней стоит дата его рождения. Глеба словно что-то за рукав потянуло к могиле: захотелось увидеть крест с собственной датой...

Хрустя снегом, Глеб осторожно подошёл к надгробию, нагнулся и перчаткой соскрёб с креста сизый иней, выросший на рытвинах камня. Проступили чёрные буквы. Нет, это не имя «Ольга»: слово куда длиннее, и буквы латинские. Но что там начертано?.. Глеб не поверил глазам. На кресте значилось: ABRACADABRA.

Глеб распрямился. Бредятина какая-то. Абракадабра. Шутка, что ли? Какой кретин придумал так пошутить?..

А надгробие явно старое. Камень уже пористый, плита неровная, углы выщербили, все грани креста и плиты стёрты и закруглены.

Смешное детское словечко на могильном кресте выглядело жутко. Абракадабра, шалтай-болтай, ябеда-корябеда... Или это заклинание? Крибле-крабле-бумс, рекс-пекс-фекс, трах-тибидох... Бамбара-чуфара-лорики-ёрики, явитесь передо мной, летучие обезьяны!.. Может, здесь похоронен ребёнок? Надгробие-то не очень большое... Ну и что? Разве уместно на могиле ребёнка писать «Сим-Сим, откройся»?

Под снегом на груди креста угадывались ещё какие-то слова. Глеб опять наклонился и, не пожалев кожаных перчаток Forzieri, тщательно расчистил весь текст. Однако недоумение только возросло.

На кресте было высечено:

ABRACADABRA

ABRACADABR

ABRACADAB

ABRACADA

ABRACAD

ABRACA

AB RAC

ABRA

ABR

AB

A

Глеб задумчиво разглядывал нелепый монумент. Что это такое?

Вдалеке за деревьями послышались негромкие голоса и шум шагов. Видимо, от церкви по дорожке несли гроб с Гурвичем.

Глеб снова достал айфон и с разных позиций сделал несколько снимков креста с абракадаброй. Забавная штукавина. Вот и будет о чём сделать новый пост в своём блоге соцсети «ДиКСи». Писать о похоронах – убить рейтинг. А вот абракадабра – это интересно.

И наверняка кто-нибудь из посетителей объяснит, в чём тут дело. Всегда находится умник, который всё знает. И слава блогу.

2

Глеб не помнил, когда впервые услышал о «ДиКСи», но с Гермесом и Гурвичем, отцами-основателями портала, он познакомился в 2010 году. Тогда Глеб рассчитывал, что Роднянский, обновляющий «Пятый канал», возьмёт его в обойму. Все договорённости уже были достигнуты. Огромные баннеры с лицами Быкова, Сванидзе, Собчак и Сорокиной, новыми хедлайнерами «Пятёрки», появились даже на домах Садового. На такие иконостасы Глеба, конечно, не вешали, но ближе к МКАДу, в Чертаново и Лианозово, в рекламах на сити-вижках в общем ряду ведущих канала среди звёзд мелькал и он.

Глеб приготовил «Пятому» ток-шоу «Апгрейд» – обсуждение отношений Интернета и общества. Пилотный выпуск программы должен был выносить мозг. О чём поговорить? – думал Глеб. Можно с Мошковым об авторских правах. Можно с Носиком о вытеснении ЖЖ социальными сетями. Можно с Саввой Терентьевым про онлайн-цензуру или со Славой Сэ – о литературоцентричности Интернета. Для прикола можно просто поматериться обо всём подряд с Лебедевым как с фриком. Однако Глеб выбрал Гермеса и Гурвича.

О «ДиКСи» тогда мало кто знал, поэтому Глеб решил сделать свой эфир чем-то вроде презентации ресурса – и содрал дизайн студии с одной из презентаций Apple, чтобы подчеркнуть революционность идей Гурвича, сопоставимую с революционностью идей Стива Джобса.

Гурвичу и Гермесу обоим было за полтинник. Гурвич оказался неряшливым, толстым евреем с мокрыми губами и кудряшками вокруг ранней плешки, но он излучал столько энергии, что хватило бы на отопление райцентра в провинции. Холёный Гермес тоже был евреем, но совсем иного типа: тщательно вылепленный фитнесом, тщательно отшлифованный пластикой, тщательно окрашенный в солярии. Гурвич грузно растёкся по креслу, подмигивая камерам, и тотчас присосался к бутылке с минералкой – потреблял халяву. Гермес сел пружинисто, будто на тренажёр, улыбнулся и негромко спросил, будет ли суфлёр.

– Что такое «ДиКСи»? – с места в карьер стартовал Глеб.

– «Дискурсейшн», – пояснил Гурвич и затрясся, хихикая. – Когда говорю это слово, у меня чувство, что зубов не хватает.

– И что оно означает?

– Сессия дискурса. Ваши индивидуальные представления о мире. Информационная картина по вашему вкусу. Мир как гуляш.

Гермес усмехнулся, словно извинился за Гурвича: ну что взять с чудака-изобретателя? В студии стояла интерактивная панель. Гермес взял лазерную указку и написал на экране: «DisCourSession», «DiCS».

– «ДиКСи» – это портал, предоставляющий различные интернет-сервисы и обладающий различными интернет-ресурсами. Мы говорим, что это телеком третьей генерации. Соответственно, у «ДиКСи» есть – или будет – всё, что есть у предыдущих платформ, но на качественно ином уровне. Качественный скачок уровня технологий – это и есть революция. Смарт-технологии приспособили компьютер к человеку, а технологии «ДиКСи» приспособливают к человеку Интернет.

– Стоп-стоп! – Глеб предостерегающе поднял руку. – Как это – компьютер не приспособлен к человеку?

– Ведь вы не сможете воспользоваться компьютером в трамвае, не так ли? – улыбнулся Гермес. – Компьютер – стационарная машина. А с айфоном или айпэдом вы имеете все бонусы Интернета и компьютера в любом месте, где находитесь. Это и есть революция Джобса. Вход технологий в мир – это в первую очередь вход технологий в быт.

– Между компьютером и рестораном я всегда выбирал компьютер. – Гурвич заржал. – В итоге – бургеры и вот это брюхо! – Гурвич довольно похлопал себя по животу. – Дали бы мне тогда планшетник, я бы ходил по вегетарианским ресторанам и был строен, как Сашка!

Гермес смущённо улыбнулся и поднёс к правому виску два пальца, словно отдал честь в благодарность за комплимент. Гермес выглядел как подтянутый и спортивный капитан торгового судна, а Гурвич – как раскумаренный и уколбашенный владелец. Хотя на самом деле всё было примерно наоборот.

– А почему Интернет не приспособлен для человека? – продолжил Глеб. – Для кого он тогда приспособлен?

– Проще показать на примере.

Лазерной указкой Гермес коснулся иконки на интерактивной панели и вывел интерфейс «Яндекса» с клавиатурой, потом набрал на клавиатуре запрос: «Фильм Аватар».

– Представьте, что я хочу почитать чего-нибудь интересное про свой любимый фильм. Обычное желание, рядовой запрос.

Гермес нажал лучом указки кнопку «Найти». Под жёлтой полоской «Яндекса» выстроились два ряда чёрно-синих картинок с кадрами из фильма и столбец ссылок.

– Двадцать пять миллионов ответов, – прочитал Гермес результат, указанный под логотипом «Яндекса». – Это не то, что я заказывал. Всё равно как если бы я искал детектив на пару часов, пока еду в электричке на дачу, но получил бы не покетбук Донцовой, а пропуск в библиотеку Британского музея. Вот это мы и называем Интернетом не для людей.

– И какая альтернатива? – спросил Глеб.

– Ясен хрен, что «ДиКСи», – ухмыльнулся Гурвич.

Гермес заменил на панели интерфейс «Яндекса» интерфейсом «ДиКСи» и набрал в поисковой строке «Фильм Аватар». На панели появилось нечто вроде сетевого анонса газетного номера: фотки, которые увеличивались при касании, аншлаги и заголовки-ссылки.

– А это – то, что получается, когда результаты «Яндекса» пройдут через сервисы «ДиКСи». Десять материалов о фильме, которые обязательно будут интересны лично мне, Александру Гермесу. Мне этого будет достаточно. Я полностью удовлетворю свою потребность в информации самым качественным контентом. Это и есть «ДиКСи».

– Знаете старый анекдот совковый про слонов? – заёрзал в кресле Гурвич. – В разных странах выпустили книги про слонов. В Англии – талмуд «Слоны и британский колониальный вопрос». Во Франции – альбом «Секс у слонов». В Германии – трёхтомник «Введение в слонологию». В СССР – учебник «СССР – родина слонов». А в США – брошюру «Что средний американец должен знать о слонах». Вот наш «ДиКСи» – как раз такая брошюра.

Рассказывать анекдоты Гурвич не умеет, подумал Глеб.

– Айпэд – компьютер в быту, а «ДиКСи» – Интернет в быту, – подхватил Гермес. – Для сложных и высокотехнологичных работ всё равно используются специальные машины с огромным функционалом, а просто посмотреть кино

можно и на примитивном DVD-плеере. Точно так же для бытовых целей могучие поисковые системы типа «Яндекса» выдают слишком громоздкий результат, а «ДиКСи» – то, о чём спросили.

– Есть функция релевантности, – возразил Глеб.

– Она не срабатывает, когда стоит вопрос вкуса. Скажем так: вот вы голодны. Но вы желаете не просто утолить голод, а чтобы было вкусно. И чтобы не пришлось ломать голову над выбором – это хочу, а это не хочу. Поисковые системы – это меню на тысячу страниц. А «ДиКСи» – ваш личный повар.

– То есть «ДиКСи» – гибрид «Яндекса» с ИМХОнетом?

– Сервисы рекомендаций существуют не только в ИМХОнете... – начал было Гермес.

– Есть куча рекомендательных сервисов! – влез Гурвич. – Но их фишка в чём? Они работают на одном типе контента. Саша Долгин – голова, он свёл на своём портале разные контенты. Однако у него вопрос инженерии, а не собственно первичного софта. Первичный софт всё-таки на одноконтентных ресурсах. Тут гений – Джим Бенетт, который разработал для «Нетфликса» алгоритм Cinematch. С Джимом я говорил, и он мне на пальцах доказал: обычная система оценки и поиска по баллам даёт среднеквадратичное отклонение в сто пять процентов с десятиями, а Джим по линейной регрессии дождал до девяноста пяти процентов! Прикиньте, «Нетфликс» объявила конкурс на алгоритм, который будет лучше Cinematch хотя бы на десятую долю, и приз – миллион баксов! Десять лет никто Джима не мог поиметь! Лишь пять месяцев назад какие-то черти ломанули банк!

– Стоп-стоп! – опять поднял руку Глеб. Гурвича несло туда, где рядовому зрителю непонятно. – Попрошу по-русски. И без мата.

– А без мата тут не объяснить, – заявил Гурвич. – Короче, почти все поисковые системы сейчас – морфологические. Ищут по форме слова. А я разработал семантическую – поиск по смыслу. И с моим протоколом появилась возможность делать профили на всю Сеть.

– «ДиКСи» – индивидуальный Интернет, – подключился Гермес. – «ДиКСи» устанавливает предпочтения пользователя и формирует для него

индивидуальную информационную картину, которая интересна данному конкретному человеку. Вам одну, мне другую, Льву третью.

– Информационный коммунизм! – крикнул Гурвич. – От каждого, бля, по способностям, каждому, бля, по потребностям!

Глеб подумал, что Гурвич – интеллектуальный уголовник. Он взломал традицию, как сейф. «Бля» монтажёры потом перекроют зуммером, а вот идею ничем не перекроешь, и, судя по всему, быть Гурвичу и Гермесу миллиардерами, как Брину, Джобсу или Гейтсу.

– Александр, Лев, а вам не кажется, что вы сажаете своего пользователя в информационную тюрьму? – спросил Глеб. – У вас ведь тоже цензура. Обычная цензура говорит: «Ты не будешь знать об этом, потому что тебе не разрешено», а цензура «ДиКСи» говорит: «Ты не будешь знать об этом, потому что тебе не будет интересно».

– «ДиКСи» ничего не отменяет, все другие ресурсы доступны по-прежнему, пользуйтесь ими! – Гермес пожал плечами. – К тому же люди всегда цензурируют себя. Если какие-то сведения вам не интересны, вы всё равно пренебрежёте ими. А информационный шум и избыточный выбор заглушают востребованные знания. Так сорняки душат полезные растения. И речь не только о поисковых системах...

Тогда, в конце зимы 2010-го, у «ДиКСи» было запущено всего три ресурса. Первым стал «ДиКСи-поиск» – поисковик вроде «Яндекса» или Google, а точнее – некий фильтр на любой другой поисковик. В силу того что результаты «ДиКСи-поиска» были гораздо проще, чем у других систем, этот поисковик быстро набирал популярность.

Вторым продуктом стал интернет-магазин «ДиКСи-маркет» – тоже фильтр-поисковик, но по сетевой торговле. Этот ресурс раскручивался туго. Возможно, как раз из-за успешности. Покупатель хотел выбирать, обдумывать, мучиться примерками и сомнениями, а ему сразу давали безусловно подходящий товар. Это лишало шопинг удовольствия.

Третьим сервисом зимой 2010-го был «ДиКСи-нюс» – персональная лента новостей. Из лент многих информагентств «ДиКСи» отбирал те новости, которые

были интересны подписчику.

Запись разговора с основателями «ДиКСи», собранную монтажёрами и редакторами, Глеб показал Гермесу, и тому очень понравилось. Он сказал, что «ДиКСи» планирует расширение и умножение сервисов, что компания ведёт агрессивную политику: вторжение в интернет-среду и захват медиа-рынка. С такими амбициями «ДиКСи» будет нужен медиаменеджер, глава направления. Глеб понравился Гермесу. Не желает ли Глеб подумать над предложением возглавить офис-кластер?

Гермес ещё не успел договорить, а Глеб уже принял решение. Выйти в топы в такой конторе, как «ДиКСи», – это мечта. Это оправдывает долгие московские годы, когда он отирался на вторых-третьих ролях, снимал халабуды и ездил на бэушных тачках, у которых первые хозяева перед продажей откатали срок гарантии.

А с «Пятым каналом» у Глеба тогда всё равно ничего не срослось. Его программа не прошла кастинг. Глебу сообщили, что разговор с Гермесом и Гурвичем посмотрел сам Роднянский и сказал: этот парень, как его, Глеб Тяженко, он что, совсем наивный? Он думает, что «Пятёрка» будет пиарить «ДиКСи» – своих конкурентов? Гермес был гений – и Роднянский тоже, и он сразу просёк, как ляжет фишка.

В мае 2010-го Гермес запустил «ДиКСи-дайджест» – индивидуальную интернет-газету, ежедневный дайджест тех материалов СМИ, которые интересны данному клиенту. В 2011-м появилось «Радио ДиКСи»: личное интернет-радио, по которому звучит лишь та музыка, которая приятна заказчику, а общими на всю аудиторию остаются только диджеи. За полтора месяца до смерти Гурвича Гермес открыл «ДиКСи-нет» – свою социальную сеть, во многом похожую на LiveJournal.

Но все эти сервисы были сопутствующими ресурсами. Вскоре Глеб узнал, насколько был прав Роднянский, когда говорил о конкуренте: на базе «ДиКСи» Гермес задумал собственный телеканал.

Пока могильщики глухо и гулко охлопывали лопатами свежий земляной холмик, к Глебу сквозь толпу подобрался Гермес.

– Глеб, обратите внимание, – негромко произнёс он. – Вон там поодаль стоит девушка в голубом пуховике. Это Орли Гурвич, дочь Льва. Возможно, мы возьмём её в «ДиКСи». Она журналист, то есть будет работать с вами.

– Наследница? – удивился Глеб. – Я спрашиваю, потому что хочу определиться с субординацией.

– Я ещё ничего не решил, – устало ответил Гермес. Он выглядел плохо, лицо посерело и обвисло. – Просто познакомьтесь с ней, оцените. Ну, подвезите её до метро или до дома. Я вас представляю.

От Гермеса пахло дорогим парфюмом. Abercrombie & Fitch, не сразу, но узнал Глеб.

– О'кей, – кивнул он.

По пути от могилы до выхода с кладбища Гермес вёл Орли сам, бережно придерживая под локоток. Глеб шагал сзади. Он видел только чёрные кудряшки Орли над капюшоном пуховика. Вроде La Masa, определил Глеб. Но это ни о чём не говорит. Пуховик был простёган квадратами и понизу захлёстан грязью.

За воротами кладбища возле машин Гермес и Орли остановились, и все, кто явился на похороны, ещё раз подошли к дочери Гурвича, чтобы выразить сочувствие. Глеб издали рассматривал Орли. Лет двадцать пять. Симпатичная. Чуть-чуть носатенькая и с вьющейся гривой. Просто Юдифь. Или Эсфирь. Гермес подозвал Глеба взглядом.

– Глеб, это Орли Гурвич, – представил он. – Орли, а это Глеб Тяженко, медиаменеджер «ДиКСи». Он довезёт вас, куда скажете.

– Соболезную, – произнёс Глеб, встретившись с Орли глазами.

– Спасибо, – просто ответила она.

Глеб молча указал на свою машину – тёмно-синий удлинённый «Лексус RX 350». Глеб купил тачку уже хорошего класса, но всё ещё не новую, а подержанную, зато 2007 года и с пробегом всего в семьдесят тысяч. Настоящий уровень «премиум» будет следующим шагом. Глеб не сомневался, что сделает его.

Орли не изображала из себя светскую даму, привыкшую ездить с водителем, а села на переднее сиденье. Глеб начал выводить машину со стоянки у входа на кладбище, глядя справа от руля в экран камеры заднего обзора.

– Орли – это по-французски? – спросил он.

– По-французски – Ор-ли, ударение на последний слог. А у меня еврейское имя. Означает «мой свет». Так меня звал отец. Но по паспорту я не Орли Львовна Гурвич, а Ольга Николаевна Телегина.

Глеб медленно и осторожно ехал по Средней Калитниковской улице, плотно обставленной машинами с обеих сторон.

– Необычно, – сказал он. – А как мне вас звать – Орли или Оля?

– Как вам нравится.

– Это тест! – тревожно-шутливо всполошился Глеб. – Я должен справиться! Я буду звать вас Орли!

– Вы прошли на второй уровень, – улыбнулась Орли.

– Может быть, тогда выпьем кофе?

– Хорошо бы. А то я замёрзла. Где предлагаете приземлиться?

– Вообще-то, здесь я ориентируюсь не ахти...

Орли достала айфон, и краем глаза Глеб заметил на его экране ало-фиолетовые отблески портала «ДиКСи». Очевидно, Орли включила навигатор. Однажды Гермес по секрету поведал Глебу, что «ДиКСи» откупил какой-то сервис GPS-навигации, но это оказалось невыгодно, и услуга на рынок не попала. Видимо,

Орли как дочка Гурвича этой услугой всё же пользовалась.

– Совсем рядом есть ресторан «Старая Гавана», – сообщила Орли. – Это на Талалихина. Сворачивайте сейчас налево.

Ресторан Глеба смутил. Советская двухэтажная коробка с высоким вторым этажом была превращена в какую-то расписную залепуху с аркадой понижу и панно слева: кирпичи, скала, маяк. Попытка обрести индивидуальность казалась мучительной. Зато парковка пустовала.

Глеб и Орли расположились у окна в зале, тесно заставленном столами и вычурными стульями. Всё вокруг было перечно-пунцовое и горчично-жёлтое. Дизайн надрывался от Латинской Америки: раскрашенные мадонны в нишах, деревянная галерея по верху стены, горшки с тропическими растениями, ещё одно панно, теперь с собором Сан-Кристоваль. Официанты в синих рубашках и с алыми галстуками походили на злых пуэрториканцев, торгующих вразнос марихуаной.

– А у вас кофе кубинский есть? – спросила Орли.

– М-м... – замялся официант. – Извините, сейчас нет.

– Ну, тогда два двойных эспрессо.

Глеб потихоньку разглядывал Орли. Искусно потёртые джинсы Lee, угги, толстый белый свитер ручной вязки.

– Зачем рестораны в лобовую выдают себя за часть другого мира? – спросила Орли и закурила тонкую сигарету Vogue. – Какая тут Гавана, кто поверит? Другое дело, если бы весело обыграли кубинскую тему. Салат «Борода Фиделя». Дайкири «Карибский кризис». Печёный кролик по-че-геварски.

– А у вас неплохое настроение для сегодняшней погоды, – усмехнулся Глеб.

Орли всё поняла, сощурилась и метнула в Глеба тёмный взгляд.

– Мы скорбящие, но мы не лохи, – спокойно сказала она.

- Э-э... «Большой Лебовски»? - опознал цитату Глеб.

- Вы прошли на третий уровень.

Глеб смотрел на Орли, и она ему всё больше нравилась. У неё были весёлые глаза и яркие, какие-то чёрно-красные губы.

- Отца я впервые увидела полгода назад, - сообщила Орли. - Он уже сильно болел, и понятно было, что скоро конец. Да, я не горюю. Потому что смерть была ожидаема, и я почти не знаю этого человека, пусть даже он меня и зачал. У меня и отчество от деда по маме.

- То есть у вас мать и отец жили порознь? Поэтому Оля и Орли?

- Я не из Москвы, - сказала Орли. - Из города Омутнинска, это под Кировом. Мать - школьная учительница. В восемьдесят пятом году к нам в город приезжал стройотряд из МИФИ. Студенты и аспиранты, в том числе и Лев Гурвич. Строили какой-то ангар. Мама подрабатывала на кухне и познакомилась с моим будущим отцом. Лето закончилось, Лев Гурвич уехал и забыл о маме. А я родилась в апреле восемьдесят шестого.

Глебу всё стало ясно. У него самого была такая же история, только на десять лет раньше, и вместо обаятельного еврея-математика и московского аспиранта был лихой ростовский казак и комсомольский лидер. А потом в городе Апатиты родился он, Глеб Тяженко.

- Отец вам помогал?

Орли засмеялась:

- Знаете, Глеб, если бы он помогал матери, я бы перестала его уважать. Ну, этим он будто бы признал свою вину. А он ни фиги не признавал. Понравилась ему моя мать, вятская девчонка, - он и спал с ней, кто тут в чём виноват? Мать была гордая, не просила помощи - он ничего и не делал для неё. Он жил в своё удовольствие.

- За чужой счёт.

– Да уж конечно, ага, – скептически сморщилась Орли. – За свой счёт он жил. Просто он брал, если давали. Но ни у кого не отнимал.

Официант принёс кофе.

– А он вообще знал про вас?

– Ни сном ни духом. Святой человек!

– Вы чудесная дочь, Орли, – сказал Глеб и опустил взгляд в чашку.

– Не-е, я ещё та оторва, – гордо ответила Орли.

– А как в Москву вы попали? Поступили куда-то?

– Отучилась я у себя там, в Кирове. Я, кстати, тоже журналист, как и вы, Глеб. А сюда... Н-ну, в общем, я нашла, к кому переехать в Москву. Я, конечно, родину люблю, но там полная жопа, мертвяк. Уж поверьте мне.

По её лицу заметался румянец. Глеб понял, каким образом Орли устроилась в столице. Ничего нового: постель. Глеб и сам не отказался бы заполучить такую девушку в любовницы. Но Орли – дочь одного босса и знакомая другого. Лучше не рисковать.

– В Москве жить невозможно... – сказал Глеб то, что говорят всегда, когда чувствуют какую-то вину за то, что живут в Москве. – Пробки, экология...

– Тогда садитесь в свой «лексус» и стартуйте в дивный город Омутнинск, – понимающе усмехнулась Орли. – Чего не уезжаете-то?

За окном на тусклую улицу посыпался дождик. Белые полосы снежных газонов начало мелко дырять чёрной рябью.

– А отец вам и в Москве не помогал, да? – переменял тему Глеб.

– Сама справилась, – мрачно хмыкнула Орли. – Правда, конечно, вкалывать пришлось не по-детски. Я, наверное, на двадцать изданий поработала. Сначала фрилансером, потом пехотой в штате, а потом доросла до колумниста в «Метро» и в «Независьке». Меня почти позвали на «Дождь», но тут отец нашёлся...

– Вы искали его?

– Да я о нём и не думала. Как и он обо мне. Это всё Гермес.

– Гермес? – изумился Глеб.

У него Гермес никак не ассоциировался с семейными ценностями.

– Вы не думайте, что Гермес превратился в Квашу из программы «Жди меня», – засмеялась Орли. – Просто отец был плох, и Гермес наводил справки, какая у него есть родня. Ну, наследники. Надо же знать, кому перейдёт отцовская доля «ДиКСи». Всё вполне цинично.

– Цинично было бы, если бы Гермес присвоил долю Гурвича, – пробурчал Глеб.

Орли затеребила пачку Vogue, вытряхивая новую сигарету.

– Гермес нашёл меня, привёз к отцу. Так мы и познакомились.

– И как вам Гурвич?

Глеб вспомнил свои давние впечатления от Льва Гурвича. Темперамент. Витальность. Неряшливость. Гурвич был без тормозов, чумовой, гиперактивный. Даже непонятно, как он сумел умереть.

Орли откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди в позиции бессознательной защиты.

– Знаете, Глеб, вы приятный мужчина. Почему-то мне хочется, чтобы вы сразу поняли обо мне какие-то вещи. Чтобы не было когнитивного диссонанса. Мама воспитывала меня как Олю Телегину, тургеневскую барышню. Мама и сама такая. Она отдалась одному человеку, отцу, – и хранит ему верность до сих пор,

хотя этой верностью переломала себе всю жизнь. А я на третьем курсе филфака завалила английский, но очень спешила поехать с друзьями на горнолыжную базу в Нечкино. Тогда я взяла и дала преподу. И поняла, что я не Оля Телегина. А когда Гермес познакомил меня с отцом, я уже всё знала про себя, кроме имени. И отец сказал: ты – Орли Гурвич. Я его дочь, а не мамина. Мне нечего плакать о нём, потому что он сам ни о ком не плакал, потому что он не сделал для меня ничего хорошего. Но с его уходом у меня появился шанс.

– На что?

– Иметь такую жизнь, какую я хочу иметь. Я из «Поколения Пу». Это тройной идеал: комьюнити, кредит, креатив.

Глеб понял, кого ему напоминала Орли. Девушку из рекламы Сбербанка. Реклама была такая. Симпатичная девчонка с весёлыми глазами и тёмно-красными губами – как Орли, только славянка, а не еврейка, – катила коляску по тротуару. Рядом шагал какой-то юноша с лицом верного и доброго пса: муж. Над тротуаром возвышался баннер с логотипом Сбера и зазывалкой «Зелёный бонус!». Коляска въезжала в колдобину и теряла колесо. Девчонка брала младенца на руки, а муж опускался на карачки, присобачивая колесо обратно. Младенец орал. Девчонка смотрела на баннер и задорно предлагала: «А давай автомобиль купим!» Муж снизу вверх тоже смотрел на баннер и неуверенно говорил: «Так это кредит надо оформлять...» И девчонка отвечала, сияя на всю улицу: «А мы зелёный возьмём!»

Забавная реклама. Эдакое милое, женское нарушение логики. А на самом деле логика очень даже была: комьюнити, кредит, креатив... Мы скорбящие, но мы не лохи!

– А что, Гурвичу за «ДиКСи» причитаются какие-то дивиденды? – спросил Глеб. – Он вам что-то завещал? Много, если не секрет?

Орли комично-печально вздохнула.

– Ничего там не причитается, – сказала она. – До Стива Джобса отец не дорос, а «ДиКСи» – ещё не Apple. От отца осталось немножко денег, но их не хватит ни на машину хорошую, ни на квартиру – даже где-нибудь в Бирюлёво. Папа жил, себе ни в чём не отказывая. Но он оформил на меня права на его авторские

протоколы операционной системы «ДиКСи». А что это такое? Гермес сказал, что вы поможете мне разобраться, что дальше делать с этой ситуацией.

– Я? – удивился Глеб.

Он думал, это его Гермес подослал к Орли выяснить, что почём, но оказалось – наоборот. Или Гермес просто свёл их обоих?

– Вы, дорогой Глеб Сергеевич, – кивнула Орли. – Вы!

4

Глеб снимал квартиру в Раменках, а контора «ДиКСи» находилась в Отрадном. Глеб добирался до работы, минуя центр, и ему часто удавалось избегать пробок, тем более что можно было выезжать не в разгар давки: он сам себе начальник и не уволит себя за опоздание. Но сегодня не повезло. Надо было ехать по Минской и Филёвской, а Глеб поехал по Мосфильмовской и влип в мёртвый затор.

Серое, холодное и мокрое утро напоминало студень, дрожало дождём. Справа и слева у Глеба стояли грязные автомобили, впереди – корма маршрутки. В просветах меж домов Глеб видел три замытые моросью башни комплекса «Воробьёвы горы».

Глеб отрегулировал кресло, сделал потише невыносимые голоса «Il Divo» и взял в руки айфон. В машине было тепло и как-то мягко, пахло кожей и автомобильным парфюмом. Вот сейчас цивилизация и проверялась на состоятельность: человек неподвижен, заперт в пробке и бессилён развлечь себя иначе, нежели средствами связи.

Почту Глеб проверил перед выходом из дома, и пока ничего нового ещё не насыпалось. Читать дайджест не хотелось. На «ДиКСи-ньюсе» обновления были только в разделе бизнеса – правильно, в Европе открылись биржи – и российского шоу-биза: эти господа не отдыхали никогда, не старели и почти не умирали. В Твиттер Глеб запулил без вдохновения: «На Мосфильмовской за

мостом пробка. Это если кому интересно». Потом Глеб перешёл в «ДиКСи-нет» – социальную сеть, которую поддерживал «ДиКСи».

Пока что сеть была небольшой, несравнимой с гигантами вроде «Одноклассников» или «ВКонтакте», не говоря уж про Facebook. Но всё впереди. Глеб верил в это будущее не потому, что был накачан химическим корпоративным оптимизмом, как допингом, а потому что с разработчиками сети совпадал по убеждениям: самовыражение, конечно, главная потребность современного человека, но этот человек ленится искать площадки для самовыражения. Обычно в соцсетях указанием площадок занимаются вспомогательные сервисы: разные системы топ-листов, перечни тем, личные знакомства, презираемый Гурвичем морфологический поиск и так далее. «ДиКСи-нет» всё это игнорировал, будто не знал. Зарегистрированный пользователь входил в «ДиКСи-нет» – и ему сразу открывались четыре поста, которые гарантированно были интересны. «ДиКСи» сам искал то, что увлечёт клиента: знай читай, рефлексируй и самовыражайся. Лёгкость поиска и удобство пользования были тем бонусом, на который и делал ставку Гермес, руководитель и почти владелец «ДиКСи».

Самовыражение, в отличие от самореализации, так эгоистично, что ему нет дела до причины, нужен только повод. «ДиКСи» это знал и повод отыскивал всегда. Например, пользователь желал, чтобы его вытошнило от ничтожества человеческого рода, и «ДиКСи-нет» тотчас открывал пользователю четыре подходящих для него поста, где, к примеру, авторы обливали помоями убийц Каддафи, новый модельный ряд АвтоВАЗа, «Метель» Сорокина и ремонт на Бауманской. «ДиКСи» знал, что пользователь каким-то образом чуть-чуть является автодизайнером, литкритиком, москвичом и ливийцем, следовательно, ему есть что сказать по всем четырём поводам. И его потребность в самовыражении будет удовлетворена. К человеческому общению или к установлению истины эта речевая активность отношения не имела.

У Глеба была вполне внятная задача – создавать контент, пока «ДиКСи-нет» ещё совсем небольшая сеть: Web 2.0 она была только наполовину. Вчера вечером после похорон Гурвича Глеб поставил пост с фоткой креста ABRACADABRA и простым вопросом к пользователям: сетевой народ, что это такое?

Глеб терпеть не мог выражения «сетевой народ», но так часто писали спамеры, а они умели подделываться под язык пипла. Первая же фраза первого же коммента подтвердила правильность идеи, что залог успеха – банальность

мыслей и предсказуемость реакции.

«Ничего особенного!..» – так начинался коммент. Конечно, ничего особенного. Все кладбища России заставлены крестами с надписью ABRACADABRA. Чего тут удивительного? Подобное сплошь и рядом, плюнуть некуда. Фраза «ничего особенного» означала, что автор её – некая KozaDereza – проживает в настолько увлекательном мире, что могильные памятники с абракадабрами для неё привычны, будто мусорные урны. Ну да. Везёт же людям. Глеб продолжал читать:

KozaDereza: Ничего особенного! У меня бабка из златоуста там на старом кладбище половина памятников огромные мраморные пни. Это мода такая была у купцов

Infarkt: А что за кладбище?

Outsider: Кладбище домашних животных

Kabu4a: Знаете про кладбище вампиров в Челяковицах Чехия?

Kabu4a – это Мариша Кабуча, диджей «Радио ДиКСи». «Кабуча» означало «плохая девчонка». Мариша была вполне себе хорошая и очень давно уже не девчонка. Она торчала на всех площадках, куда заносило Глеба.

D-r_Pirrez: Это могила вампира!!! Стопицот!!!!!!

L-a-p-k-a: Слово какое то корнейчуковское. Детское. Сразу вспомнила, как болела воспалением легких, лежала в постели. Мама поила чаем с медом, в школу ходить не надо, зима, жара, крыша едит.

Kuroros: Абракадабра – древнее магическое слово. В средневековье употреблялось как заклинание. Сейчас считается шутливым образцом бессмыслицы, нелепицы. Ссылка на Википедию

Конечно же, нашёлся умник, который всё объяснил. В желании юзеров продемонстрировать свои знания и умения Глебу всегда виделось что-то от дрессированной мартышки, но не от настоящего разума. Homo sapiens должен понимать, что автор поста и сам может сходить в Википедию и посмотреть, что такое ABRACADABRA. Если автор не сделал этого, значит, здесь подстава. Зачем попадать в чьи-то ловушки, даже если они и безвредны?

Умник, пославший в Википедию, тоже самовыражался, потому что не ответил на вопрос Глеба, а продемонстрировал своё умение нажимать на кнопки. Глеб прошёл по ссылке и прочитал, что смешное слово «Абракадабра» – имя страшного демона. Он вызывал мор: холеру, лихорадку, язву, чуму. Ведьмы, летящие на шабаш, кружили на мётлах вокруг Лысой горы, хохотали и звонко кричали в высоте звёздной полночи: «Абракадабра!» – вызывали демона из преисподней.

Чтобы защититься от этого демона, от холеры и лихорадки, люди писали имя врага на кусочке пергамента или дощечке. Писали в одиннадцать строчек, всякий раз убирая по одной букве, пока имя не исчезало. Так можно было убить демона, а точнее – дематериализовать его, лишиться силы и власти. Затем пергамент или дощечку сжигали или носили в ладанке на груди. Имя демона – это очень важно. Это его программа, которую можно уничтожить. Поэтому у самого сатаны бесконечное множество имён – его человеку не уничтожить, уничтожив имя.

Глеб вспомнил: в фильме «Константин» Киану Ривз, истребитель демонов, терзал одержимых, чтобы те назвали имя овладевшего ими демона. Потом врага уже можно было одолеть. Значит, на памятнике Калитниковского кладбища начертано заклятье, убивающее демона?

Глеб закурил. Marlboro, Lexus, дождь, айфон, Мосфильмовская улица, демон ABRACADABRA... Глеб чувствовал, что всё это могло сочетаться только здесь – и нигде более. Поэтому он и любил Москву.

KozaDereza: Это не настоящая могила а кенотаф ложная или пустая могила. Таких в Египте много. Когда нет тела а похоронить надо. У Марины Цветаевой два кенотафа в Тарусе и Елабуге

Nan_Madol: Hubble, а где вы нашли этот памятник? Предположу что либо на Ваганьковском кладбище, либо на Калитниковском, либо на Преображенском.

Hubble – это был ник Глеба в «ДиКСи-нете». Глеб взял его после великолепного 3D-фильма про орбитальный телескоп «Хаббл».

Nan_Madol: Поясню. Демон Абракадабра повелевал чумой. Эти три кладбища, насколько я знаю, чумные, то есть основаны после московской чумы 1771 г. Возможно, здесь была и символическая могила демона чумы. Подобные существовали в Средневековой Европе. Например, в 1361 г. чума пришла в Авиньон, где продолжалось «пленение пап», и от нее умерло 100 епископов и 5 кардиналов. Чуму победили только молитвы папы Иннокентия 6. Новый папа Урбан 5 в 1363 г. установил в одном из дворигов Папского дворца кенотаф Папы Чумы. Кенотаф был разрушен в 1789 г., когда во время Великой Французской революции дворец захватили восставшие. Также известно, что могила Короля-Чумы существовала в Магдебурге, но разрушена вместе с кладбищем весной 1945 г.

Вот юзеры всё и объяснили, подумал Глеб. Надо только аукнуть в Сеть: явитесь передо мной, летучие обезьяны!

Kurogos: Между прочим, уже в чумном средневековье люди распространяли «письма счастья»: вроде как перепиши пять раз, раздай друзьям, и спасешься от чумы

D-r_Pirrez: Бля эти уроды значит от чумы не передохли, да? Неужели действует? У меня ящик забит «письмами счастья», ПППП!!!

Доктор Пиппец, понял Глеб, – сетевой хулиган. Ну и ладно, пушай буянит. Лишь бы не тролль. Но кому надо троллить Глеба?

Kurogos: Тогда «письма счастья» называли «святыми письмами», потому что считалось, что их надиктовала богородица. Вот по ссылке русское «Святое письмо, посланное чуднымъ образомъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ и писанное собственною его рукою златыми литерами на еврейскомъ языкъ?. Оно было найдено въ 12 верстахъ от Семборта в Лондон? с изображеніемъ креста и истолковано семил?тнимъ сиротою, который до того времени ничего не говорилъ»

По ссылке Kurogosa Глеб не пошёл: ему хватило заголовка. Похоже, Kurogos был из тех интернет-знатоков, которые на любой случай имеют не знание, а ссылку. Люди-google, гугловоды.

Outsider: Мне бабка говорила, что когда чума приходит, петухи и собаки теряют голос потому что пение петуха отгоняет нечистую силу, а собака видит невидимую смерть и лаем может выдать ее людям. А Кошка раньше была сестрой чумы, чума ее била, и теперь Кошка ее боится и когда чума приходит – прячется от нее в печке

D-r_Pirpez: Вы чо бля пугайте я ужэ обоссалсо!!!!

L-a-p-k-a: Чума просто так не приходит. У меня на даче деревенская сумашедшая была, она говорила, что ей предшествуют знаменья. Потопы, засухи, землетрясения, кометы, появление цветных комаров, хвостатых лягушек, дожди из пауков, жаб и червей.

Kabu4a: Меня вчера жаба так душила, так душила... Это к чуме!

Kurogos: И ещё ссыль. Легенда о Деве Чуме в немецком замке.

Ссылка вывела Глеба на какой-то русскоязычный туристический сайт про достопримечательности Штутгарта и окрестностей. На фотке был очень красивый замок, венчающий вершину холма. Глеб прочёл сопроводилку к фотке и саму легенду.

«В страшные годы, когда Европу опустошала Чёрная Смерть, мору противостоял только замок Гогенцоллерн возле Штутгарта. Дева Чума взяла этот замок в осаду, но жители затворили ворота и все двери и не показывались ни на балконах, ни во дворах. Если кто опрометчиво отворял окно, в жилище тотчас влетал воздушный алый шарф Девы Чумы, и обитатели падали, поражённые болезнью. Чума была врагом терпеливым. Она спокойно ждала, когда голод вынудит защитников замка Гогенцоллерн покинуть свои убежища. Тогда рыцарь Рюгер Химмельберген решил пожертвовать собой ради спасения замка. Он выгравировал на мече слова „Иисус и Мария“ и открыл окно башни. И сразу в окне показалась призрачная рука с алым шарфом. Бравый кавалер ударил по этой руке мечом. Рука отдёрнулась. Рыцарь Химмельберген упал на пол, покрываясь чумными бубонами, а раненая Дева Чума предпочла оставить замок Гогенцоллерн и удалилась прочь от его негостеприимных стен».

Глеба впечатлило. Маришу Кабучу – тоже.

Kabu4a: Ояпу!!! Чумачечая осень:))!!!

Nan_Madol: Ставлю перепост статьи о могиле-кенотафе:

«Редкий и необычный памятник европейского Средневековья – могилы-кенотафы с надписью ABRACADABRA. У них удивительная легенда. В этих могилах похоронен демон чумы. Вот откуда он брался. Сатана замечал, что какой-нибудь город, восславляя господу, расцветает и богатеет, и решал погубить этот город. Он приезжал в роскошной чёрной карете, запряжённой шестёркой вороных коней, и соблазнял какого-нибудь горожанина стать Королём-Чумой. Этот человек соглашался привезти в город чуму, и за это Сатана обещал ему спасение от мора, богатства умерших и власть над всем городом.

Несчастливого предателя Сатана увозил к себе во дворец и там спускал с цепи демона чумы Абракадабру. Демон входил в человека. Теперь человек должен был выпустить демона на свой город, иначе демон убьёт его: предатель сам умрёт от чумы.

Вера в то, что спастись от чумы можно только передачей своей чумы другому человеку, была широко распространена в Средние века. Она объяснялась

„демонической теорией“, согласно которой болезнь считалась злым духом, демоном, поселившимся в человеке. Демон овладевал человеком за его грехи, следовательно, лечиться надо было не в больнице, а в церкви – покаянием и пожертвованиями. Или же надо совершить некие оккультные ритуалы, которые заставят демона покинуть своего носителя и перейти в другую жертву.

А Сатана возвращал Короля-Чуму в его дом, и Король выпускал демона. Абракадабра начинал сеять чуму по городу. Он целовал женщин чумными губами, угощал мужчин чумным пивом, дарил детям чумные игрушки. Он отравлял колодцы. Он изготавливал „чумную мазь“ и обмазывал ею ручки дверей и скамейки в храмах. В состав „чумной мази“ входили мышьяк, ядовитые травы, сушёные жабы, сердца висельников и тому подобные вещи. Чума поражала город. Демон же прятался у Короля и приносил ему богатства из опустевших домов.

В чумных городах обезумевшие жители пытались „вычислить“ Короля-Чуму и сжигали на кострах тех, кого заподозрили в продаже города Сатане. И ещё существовал обряд выманивания Абракадабры. Его завлекали в могилу, а могилу запирали крестом, на котором столбцом писали имя демона, убирая в каждой нижеследующей строке по одной букве, пока имя не исчезнет полностью. Эта могила демона, символическая могила, и есть кенотаф с надписью АBRACADABRA».

KozaDereza: Чумная мазь крем Азазелло

Последним в ряду сообщений этого комьюнити стояла фотожаба Крохобора. Крохобор – это приятель Глеба, Борька Крохин, сисадмин в «ДиКСи». Борька помогал Глебу решать все проблемы, что возникали с компьютерами и прочей умной техникой.

У жаббера Крохобора была та же фотка, которую Глеб сделал на Калитниковском кладбище, только теперь на фотке могила была открыта, а слово АBRACADABRA на кресте было написано наоборот: от одиночной А к полному комплекту. То есть демон чумы, погребённый в пустой могиле, словно бы ожил, потому что его имя восстановили – дорастили буквами до изначального размера. И потом он сдвинул могильную плиту и вышел в мир.

Глеб считал, что в старости станет махровым ретроградом и ортодоксом. У него были причины для такого мнения. Как только он получил должность медиаменеджера в «ДиКСи», то сразу организовал себе солидный изолированный кабинет в лучшем духе обкомов КПСС. Конечно, Глеб мог работать и в кафе с планшетником на коленях, и за жалюзи в личном аквариуме общей рабочей зоны open space. Но если исходить из интересов дела, которое необходимо сделать, а не из соображений продвинутой, которую следует демонстрировать, то нужен кабинет. Глеб так и объяснил это Гермесу. Гермес согласился.

Вот теперь в кабинете сломалась кофемашина. Глеб проверил загрузку, нажал все кнопки, пошлёпал ладонью и сверху, и по бокам, но аппарат тупил и не желал варить кофе. Тогда Глеб вызвал мастера, а сам пошёл за кофе на этаж к админам.

«ДиКСи» располагался в комплексе зданий какого-то бывшего секретного советского НИИ. По местной легенде, Гермес работал в этом НИИ научным сотрудником, в перестройку начал свой бизнес, то ли выкупил, то ли арендовал весь комплекс и вот недавно поместил здесь «ДиКСи». Официально Гурвич был у Гермеса наёмным работником.

Офисы «ДиКСи» были распиханы по главному корпусу как попало. Кабинет Глеба, к примеру, занимал угол верхнего, четвёртого этажа. Рабочие зоны располагались на третьем и втором этажах. Серверы и прочее оборудование, которому требовались охлаждение и покой, стояли в подвалах. А вообще, и в главном корпусе, и в других корпусах сидело много разных контор и фирмочек, угнездившихся здесь с диких девяностых. Иногда во двор комплекса осторожно въезжали длинные грязные фуры, которым надо было переждать где-то пару дней, а иногда – холёные чёрные кортежи с мигалками. В общем, комплекс жил напряжённой полулегальной и запутанной жизнью – обычной для коммерчески-освоенных промзон Москвы.

Глеб прошёл по коридору, а потом спустился по лестнице. В окна светил белый, безликий день начала зимы. Комплекс находился в Отрадном, среди просторных кварталов типовых советских высоток. Сверху Глеб видел два ангара и другое

офисное здание комплекса: их плоские крыши казались застелены бумажными листами. А снежный двор уже был исчёркан чёрными дугами автомобильных следов.

На два этажа рабочих зон open space имелась рекреационная зона с диванами и кухонькой: холодильник, мойка, шкаф с посудой, чайник, кулер, кофемашинка. Похоже, кухонька должна была внушать какие-то корпоративные идеи вроде «наша фирма – наш дом, а мы – одна семья». На деле зона отдыха напоминала секцию IKEA, где покупатели решили не просто прицениться, а немного пожить в ассортименте.

На диване развалился Борька Крохин. Он говорил по телефону и отхлёбывал дымящийся кофе из большой кружки с надписью «DiCS».

– Дрова, бля, ставь только самые необходимые. Если на Винде, то один только ин-э-эф-пакет для чипсета и драйвер видеокарты. Иначе, Конь, будет у тебя тормозня, конфликты и глюки.

– Бобс, ты сможешь поговорить или сейчас занят? – спросил Глеб, запуская кофемашину.

– Да как два пальца, – кивнул Борька. – Это я не тебе, Конь, ты своё слушай. От настроек по умолчанию отклоняйся по минимуму. С такими настройками софт протестирован в пиздильон раз лучше, чем с другими, понял? Не трогай на хер инсталляций в режиме фулл, бери в режиме дефолт, особенно на микросифе офис.

Борьке было лет двадцать. А может, и восемнадцать, по нему не поймёшь. Борька работал в «ДиКСи» одним из сисадминов, занимался всеми проблемами локальной сети внутри конторы. Если случались сбои, Глеб обращался к Борьке, поэтому знал его немного лучше, чем других работников «ДиКСи», исключая, разумеется, Кабучу, любовницу.

– Спасибо за жабу. – Глеб имел в виду фотомонтаж в своём комьюнити с открытой могилой демона Абракадабры. – Смешная жаба.

– Кстати, сам Гермес идею подсказал.

– Гермес? – изумился Глеб.

– Ага. Я к нему ходил тулбары навешивать, а он как раз в твоей комьюге сидел. Говорит, прикольно было бы, если бы нечисть там из могилы вылезла. Могила же, блин. Ну, я и придумал, как отжабить.

Глеб задумчиво размешивал в кофе сахар. Надо же, сам Гермес заходит к нему в комьюнити... С чего бы это? Гермес слишком занятой и влиятельный человек, чтобы заниматься такой ерундой.

– Конь, твои проблемы – это индексеры, антивирусы, плагины к браузеру, всякая ненужная херь типа для апдейтов софта. Сноси их!

Интересно, думал Глеб, вот здесь всё, и не только «ДиКСи», так или иначе принадлежит Гермесу. На самом-то деле это же оф-фигеть какое бабло. Почему же Гурвич оказался столь беден? Точнее, почему от него осталось так мало, что Орли даже на квартиру в Бирюлёво не хватит? Или то, что осталось, – это вовсе не мало?

– Слушай, Бобс, а что это такое – оформить права на авторские протоколы операционной системы?

– Положить фичу себе в карман, – быстро пояснил Борька.

– А по-русски?

– Фича – это такая специфическая черта, ноу-хау, ну, способность программы что-то делать, эксклюзив. В общем, суть всего.

– То есть оформить права – это быть владельцем патента?

– Угу. У кого фича, тому платят за право пользования. Он и бабки получает, и контролирует всё. Фича – это, бля, крутой шэривейр.

Глеб понял, что «авторские протоколы операционной системы» – это главное в «ДиКСи»: программы с методиками семантического поиска, DisCourSession, «мир как гуляш». Эти-то программы и завещал Орли, своей внебрачной дочери,

программист Лев Гурвич.

– Глеб, а ты к Кабуче в комьюгу ходил? – спросил Борька. – Я там постяру забабахал, Кабуча ваще охерела.

Мариша Кабуча, диджей «Радио ДиКСи», была целью Борькиной сексуальной экспансии. Глеб думал, что Борька ещё девственник, хотя и странно представить такое в Москве двадцать первого века. Но Глеб понимал, что революции происходят для всех, но не для каждого. Для Борьки, видимо, сексуальной революции не случилось: слишком уж много времени он проводит перед компом. Была бы девушка – плюнул бы он на весь этот онлайн.

– «Секьюрити эксенциальс» – лучший, – в это время вещал Борька Коню. – Мышей ловит, экологичен, топлива жрёт мало, не буксует... И вообще, Конь, берёшь на халяву бета-версию – не затачивай под неё всякие кастомайзеры, на хер тебе это? Под видом вареза тебе такой маздай подсунут!..

Разухабистость речи программеров и айтишников Глеб понимал как механизм компенсации: зрелые парни день и ночь сидят перед телевизорами и нажимают на кнопки – в этом нет ничего стильного или эффектного. Что ж, тогда необходимая брутальность проявляется в разговоре. Если послушать айтишника, то услышишь репортаж из зоны боевых действий, где орудуют пираты и взломщики, где что-то палят, грохают, бьют и херачат всех подряд. Речь программеров была обусловлена не столько компьютерными технологиями, сколько избытком неизрасходованных тестостерона и адреналина.

– А что ты у Кабучи в комьюнити делаешь? – спросил Глеб.

– У Кабучи, конечно, делать не хер, Кабуча дура, – согласился Борька, – Только как мне её завалить? Валю через комьюшку.

– Думаешь, даст? – улыбнулся Глеб. – Она же для тебя старая. У неё, кстати, сыну пятнадцать лет.

– Я уже сказал, что я молодой, ей, наоборот, понравилось.

– Она узнает, что ты – это ты, и развернёт тебя. Сотрудник же.

– Смотря как зацеплю. Хорошо зацеплю – не развернёт.

Борька тёрся в блоге Кабучи, что-то там писал, шутил, – в общем, соблазнял. Глеб один раз почитал эти публичные игрища – ему стало неловко до поджимания пальцев в ботинках. А Кабуче с Борькой нравилось. Правда, Кабуча не знала, с кем заигрывает, Борька ходил к ней под ником Bogez. В комьюнити Глеба Борька таскался под ником Крохобог, который был образован от «Бориса Крохина». Борька считал, что «крохобор» означает «крохотный борец».

Глеб сунул пустую чашку в мойку. Он думал о Борьке. Значит, с людьми Бобс общается не вживую, а в комьюнити, вон даже Кабучу там клеит. Самореализация для него – затачивать под бета-версию всякие кастомайзеры, то есть креатив. Получается «Поколение Пу», как тогда в ресторане сказала Орли. Комьюнити, креатив, кредит.

– Бобс, а на тебе висят какие-нибудь кредиты?

– Бля, на ком их нету? – удивился Крохин. – У меня фердипердоз в кредите. Ещё год платить, суки.

«Фердипердозом» Борька называл свою машину, старый «форд».

– Слушай, Конь, ты меня заебал, я тебе вот чё скажу! – зарычал Борька в телефон. – Ты ведь тупой, так что апгрейд-инсталляциями не пользуйся, бля, понял? Даже если нет другого выбора из-за лицензий, бери с диска чистую предыдущую версию без драйверов и софта и уже после этого прогоняй апгрейд. А свои личные данные и настройки переноси отдельно, вручную, а то угробишь всё на хер к ебням!

Борька захлопнул телефон и сунул его в карман.

– Бобс, а как думаешь, сколько могут стоить активы Гурвича?

– Какие активы?

– Ну, фича. Вот эти вот протоколы, которые положены в основу всего софта у «ДиКСи».

- Опять не понял.

- Программа DisCourSession. Программа семантического поиска.

- Слушай, Глеб, - усмехнулся Борька, - такой программы нет.

- Теперь я не понял, - опешил Глеб. - Это как?

- Ну, как тебе сказать... Если бы такая программа была, Гермес её давно бы спиздил и выбросил Гурвича.

- Оп-па!

Не то чтобы он был уверен в честности Гермеса - нет, капиталы составляются вовсе не честностью, - но... Но... В общем, просто «но».

- А как же тогда «ДиКСи» работает? - глупо спросил Глеб.

- Ну, на самом деле программа существует, - смилостивился Бобс и начал объяснять. - Существует, так сказать, в идеале. Гурвич сделал версии для каждого сервиса. Версии утопил в софте каждого сервиса. Растворил. Сам он лично смог бы достать, а кто другой - ни хера.

- Мне, э-э... лучше на пальцах. С примерами из мультиков.

- Представь, ты написал в компьютере гениальное стихотворение в сто строк. Потом в том же компьютере слабал сто других стихов, лажовых. В каждое из них вставил по строчке из гениального, чтобы по рифме более-менее подходили. А гениальный стих стёр. Так что твоё гениальное стихотворение находится в компьютере, но достать его сможешь только ты один. Во всяком случае - быстро. А я должен буду прочитать все сто стихотворений, сообразить, какая строка в каждом из них по смыслу не подходит, извлечь эти строки и составить в нужном порядке. Тогда я получу твоё гениальное стихотворение.

- И такие предосторожности - чтобы не украли?

– «ДиКСи» – контора на миллионы. А основа – протоколы Гурвича. Тут кто хочешь задумается, как бы их тиснуть. Хотя бы ради выкупа.

Глеб подумал, что Орли, похоже, осталась без наследства. Отец завещал ей свою разработку – протоколы DisCourSession, но их не извлечь из операционной системы. Жаль девочку.

– А без Гурвича и протоколов «ДиКСи» сдохнет?

– Да ни хера. Только надо всё пэ-о бэкапить и обновлять, скажем, каждые три месяца. Дебажить не по-детски. Гонять через патчи. И ничего не дропнется. Но и качественного развития не будет.

– Странно, а ведь Гермес хотел телеканал открывать...

– Ну, хер его знает. Здесь, Глеб, точно не наше дело. Ты Кабучу петрушишь – ну и петрушь, а на чьём диване – тебе не по хер ли?

«Поколение Пу» умело провести себе черту и не заступать за неё. На такие вещи глазомер у Борьки был куда точнее, чем у Глеба. Да, тема этих протоколов – не его компетенция. Так что встал и вышел.

– Ты лучше скажи, Глеб, тебе Кабуча про меня что-то говорила?

– Ничего, Бобс. Ни про тебя в реале, ни про тебя в комьюнити.

Глеб посмотрел на Борьку. Борька был высокий, тощий, носатый и вполне себе обаятельный, но Глеб по опыту знал, что Мариша ищет в мужчине отнюдь не обаяние. И не юношескую гиперсексуальность.

– Эх, бля, ничё она ещё не вкурила, – с досадой вздохнул Борька. – Слушай, а в ёбле она чё делает?

– А чё ты интересуется? – ухмыльнулся Глеб.

– А чё ей нравится?

Бобса не смущало, что Кабуча – любовница Глеба. К Глебу, который трахает Маришу, Борька относится как к пользователю, который уже использует ту программу, которую присмотрел себе он сам. Программа не будет хуже, если её поюзают оба юзера. И они друг другу не враги.

– Ладно, не ревнуй, – хмыкнул Борька и подмигнул Глебу.

Крохина интересовали интимные подробности о Марише, но он уважил чувствительность Глеба и прекратил расспросы. Глеб понял, что юный Бобс великодушно снизошёл к его старческой слабости.

6

Розовый закат румянился где-то за Истрой и Звенигородом, точно ещё не решил, быть ему синим и вьюжным или красным и морозным. В это время дверь кабинета у Глеба без предупреждения распахнула Кабуча. Она привалилась плечом к косяку и скрестила руки на груди, всем видом гневно вопрошая: «Ну и что ты здесь делаешь?!» Конечно, это была игра. Эдакое эффектное появление строгой мамыши.

Глеб выключил лампу, встал из-за стола и пошёл к Кабуче. В правой руке на отлёте он держал сигарету.

– Ах ты, хамила! – свирепо сказала Кабуча и выдернула сигарету из пальцев Глеба. – Быстро сюда буську! – Она указала себе на скулу.

Глеб усмехнулся и поцеловал Кабучу в щёчку.

Мариша Кабуча была диджеем на «Радио ДиКСи». Здесь несколько диджеев работали на разные аудитории: на интеллектуалов, на борцов за социальную справедливость, на модников и так далее. Мариша была для молодёжи. «Кабуча» на сленге значило «плохая девчонка», «егоза», «скандалистка». А по-настоящему фамилия у Мариши была никакая – Павлова, и Мариша весьма давно уже не была девчонкой: ей стукнуло тридцать пять, и у неё имелся сын Денис пятнадцати лет.

Кабуча прошла мимо Глеба, плюхнулась на подушки широкого и глубокого дивана и затянулась сигаретой. Глеб, улыбаясь, взял со своего стола брендовую красно-бело-чёрно-золотую пепельницу Marlboro и поставил её на подлокотник дивана рядом с Кабучей.

– Как дела? – спросил Глеб, присаживаясь рядом. – Как Денис?

– Хэ-зэ, Глеба, – Мариша пожала плечами, – Денька у меня всю неделю болеет, ёпстудей. В школе там разосрался с каким-то задротом и психанул, ушёл домой без куртки. А дом-то наш от школы ваще на тигулях, ты же знаешь. Денька весь простыл, пока пилил по такому зусману. Лежал три дня с температурой, ща вот сидит на таблетках.

Глеб до сих пор не смог понять, то ли Кабуча молодится, рассыпая горох сленга, то ли уже не отделяет свой эфирный образ от реального. Если она не различает офлайн и онлайн, тогда она дура, думал Глеб. А если Кабуча вот так молодится, то это напрасно: она трещит слишком умело, со зрелым мастерством, и этим выдаёт настоящий возраст.

– Мы, кстати, решили с Денькой записаться на фигурное катание. В «Динамо» есть секция. Какой-то даже чемпион ведёт, что ли.

Глеб видел сына у Кабучи. Красивый, самолюбивый и капризный мальчик, блондин, эдакий истинный ариец. Понятно, зачем ему нужно фигурное катание – некий микс из девочек, музыки, объятий, танцев, романтики, оригинальности и прочей «ванильки», как называла такие вещи Кабуча. А зачем коньки Кабуче? Зачем лисе копыта?

– Ты, Марья, лучше бы Дениса одного отпустила, – посоветовал Глеб. – Наверняка он ради какой-то девочки решил кататься.

– Я предлагала ему. Чё ты, говорю, Денька, ёптыть, я же девча окабяканая, а он говорит, что кучерявая, – засмеялась Кабуча.

Конечно, тридцать пять Кабуче никто не давал. Давали двадцать пять. Но всё равно не семнадцать. Кабуча разрывалась пополам. Ей хотелось быть сразу и девочкой, чтобы подцепить хорошего мужа, и мамой, чтобы руководить ненаглядным сыном. Потому она относилась к Денису как к бойфренду, а себя

подавала как «подружу Деньки».

За окном небо уже не розовело, а стало вишнёвым. В кабинете всё посинело, а в углах загустела темнота. Раньше сумерки так волновали Глеба, особенно если рядом была женщина, а сейчас всё стало куда проще. Нет проблем вызвать девчонку, что разденется для тебя хоть в сумерки, хоть ясным днём. Искать не хочется – в этом и проблема.

Глеб присел на угол стола и включил лампу. Лампа в кабинете у него была авторская, от Альберто Смания из коллекции Biblo: матовый тубус на подставке из трёх кубов. Лампу он выбирал очень тщательно, а вот секретаршу, к примеру, вообще не выбирал – отказался от неё как таковой. Для минета есть Кабуча, а помощник не нужен.

– Как твои женихи? – спросил Глеб.

Мариша вела активный и агрессивный поиск женихов через соцсети и разные специальные сервисы.

– Не айс, – покачала головой Кабуча. – Тот Дима, про которого я тебе рассказывала, оказался бэбик аульский. Может, и хороший чел, но не могу я с такими, ёханы кабистос.

– А другие?

– Всякие мутные пассажиры. Им секс нужен, а не семья. Все хотят сначала в постель, а потом ведь и не объявят ничего, пошлют нах.

– Может, объявят, не пошлют.

– Глеба, ты же понимаешь, – грустно сказала Кабуча. – Ты и сам такой же: впердолил девче и на коня. Я смотрю там по анкетам, какие они себе статусы выбирают, – ипать-копать, бля!

– Сочувствую, – сказал Глеб. – А ты пробовала не верить статусам?

– Если и в статусах врёт, сразу полный несрастон.

– Логично. Кстати, ты в курсе, что ты разбила сердце нашему сисадмину Борьке Крохину? Он тут весь офис обвздыхал.

– Это такой длинный скелетоид с рубильником? – Кабуча показала вместо носа увесистую грушу.

– Он. Точнее, оно.

– Когда ты меня достанешь, я с ним ата-та начну делать. А когда он дорастёт до гения и займёт в «ДиКСи» место Гурвича, замуж за него выйду, понял? – Кабуча снова закурила. – Ты лучше чё-нито о себе расскажи. Как там похороны прошли?

– Да почти никак. Тихонько на Калитниках закопали, и всё.

– Мне говорили, ты там с дочкой познакомился? – Глеб уловил в вопросе Кабучи ревность. – Она же красопеточка такая.

– Познакомился, – подтвердил он. – Красопетка. А что толку? Её, похоже, даже папочка кинул. Назавещал ей всего с три короба, но фиг чего она получит.

– В смысле, её кто-то обул или папочка намудил?

– Папочка напутал.

– Понятно, ещё бы, – хмыкнула Кабуча. – Гурвич же был наркот. У него все мозги вывихнулись.

– То есть?! – ошалел Глеб, – Это как?!

– А ты чего, не знал?

Кабуча сидела на кожаном диване нога на ногу и курила с видом ветерана, презирающего зелёных новобранцев.

– Вообще ни сном ни духом...

– Последние пару лет он ходил уколбашенный по полной. Потому полгода назад Гермес и откопал Гурвичу дочку, чтобы следила за папусиком. Постороннего к наркому приставлять – большой риск. Уйдёт инфа, что основатель компании обдолбыш, так партнёры могут отвернуться. Инвесторы, бля, всякие. Чего тут не понятно?

– Слушай, я видал его, ну... месяца за три до смерти... – Глеб вспоминал. – Мельком... Он был больной, но нормальный.

– Это тебе показалось. Он был кислотой выжженный.

Мариша ввинтила окурочек в пепельницу.

– Выключи свет, – попросила она.

Глеб щёлкнул кнопкой. Наступила темнота.

– Это я ему наркоту доставала, – в темноте негромко сказала Кабуча. – Не всегда я, но чаще всего. Поначалу по карпалю носила, чуть-чуть, когда Гурвич сам просил. А потом пошёл Карабах, Гурвич на мощный дозняк уехал. Гермес меня вызвал поговорить и сказал, что возил его по разным закрытым частным клиникам, и там сказали: всё, без шансов. Единственное, что можно сделать, – облегчить конец.

Глебу в его жизни всё казалось надёжным и респектабельным, но под скорлупой благополучия укрывались демоны разрушения – точно страшный Абракадабра, развоплощённый и запертый в могиле, но способный собраться обратно и восстать.

– Чтобы Гурвича не ломало, ему нужны были кислота и уход, – продолжала Кабуча. – Гермес руководил: лавэ давал. Доча ухаживала, а я гонзу добывала. У меня со старых времён есть знакомые дилеры, которые не подсунут шмурдяк и не сдадут.

– А зачем ты это делала, Марья?

– Глеба, глупый вопрос. А ты бы отказал Гермесу?

Теперь закурил уже Глеб. Да, он не отказал бы Гермесу.

- Тебе Гермес платил?

- Не кэшем. Школьные взносы на Деньку закрыл, какие возможно.

- Марья, а если Гурвич от передоза умер? - тихо спросил Глеб.

- Да не по фиг ли, Глеба? - подчёркнуто-внятно спросила Кабуча. - Кругом же блудняк. Но лучше уж такой кобздец, чем никакая лабзда. Надеюсь, я понятно выразилась.

- Во всяком случае, я понял, - кивнул Глеб. - Ну, и согласен.

- Официально объявили - сердечный приступ. Никто не возражал. Дочка-то его, Орли, с которой ты трепался, - она возражала?

- Нет. Она смертью Гурвича особенно не напрягается.

- Ну и ты не напрягайся.

Глеб молчал, раздумывая.

- Как спокойно ты ко всему этому относишься, Мариша... Ну, был наркоманом основатель твоей компании... А другой основатель не смог его вылечить и обставил смерть товарища разными удобствами. В сиделки привёз дочку, чтобы избежать инсайда. В наркокурьеры определил верную сотрудницу. Похоронили красиво. Но что-то есть в этом бесчеловечное, не находишь?

- Иди сюда, - негромко велела Кабуча и пошлёпала ладонью по дивану рядом с собой.

Глеб сунул сигарету в пепельницу и пересел к Кабуче, утонув в кожаных подушках дивана. Мариша сразу привалилась к Глебу, целуя куда-то в ухо, и полезла рукой к пряжке ремня.

– Чё ты, чё ты, – зашептала она. – Фига ли загрузился... Наркота – это часть культуры айтишников. Они так сознание расширяют. Это их геморы. Глеба! Зая! За-я!

– Что? – отозвался Глеб.

– Стив Джобс назвал свой опыт кайфа одной из важнейших вещей своей жизни!

– Стив Джобс мирно умер от рака.

– В своём Пиндостане, а не в нашем Гондурасе.

Н-да, подумал Глеб. В России Джобс не создал бы никакого Apple, а до сих пор бы ещё оформлял договор аренды на гараж для сборки компьютеров. А Гурвич и Гермес ухитрились сделать «ДиКСи».

– Зая, встань к столу, – тихо попросила Мариша. – Я миньку хочу...

Глеб выбрался из объятий дивана, придерживая расстёгнутые брюки, и присел на кромку столешницы. Кабуча тоже сползла с дивана и опустилась перед Глебом на колени.

Глеб не соблазнял Кабучу. В первый раз у них всё получилось как-то само собой: под закат корпоратива они ушли сюда же, в кабинет, и пьяная Мариша вдруг зашептала всякую пошлятину – типа: «Доктор, померь мне температуру своим градусником!». По трезвости Глеб не вынес бы той лажи, которую Мариша считала любовным воркованием, но спьяну прокатило – и неожиданно зацепилось. Мариша искренне полагала, что нужно давать начальству, а Глеб хоть и смущался слегка, но был уверен, что подчинённые должны у него сосать.

Глеб поглаживал Маришу по голове и думал, что бесчеловечность смерти Льва Гурвича не в жестокости или несправедливости, а в некой компьютерности, в точности композиции и в отсутствии женских слёз. Никто Гурвича не оплакивал, ни Орли, ни Мариша. Наверное, если бы смерть Гурвича можно было проверить тестом Тьюринга, тест показал бы, что эта смерть – смерть-робот. Не конец человеческой жизни, а просто определённый этап в действии программы.

Тест Тьюринга – способ отличить человека от робота. Испытание проводится так. Тестирующий имеет двух собеседников, которых он не видит. Один из собеседников – человек, другой – робот. Тестирующий задаёт одинаковые вопросы и по разнице в ответах устанавливает, где робот. Хотя на самом деле тест Тьюринга выявляет у машины вовсе не разум, а лишь способность имитировать человека.

Что же машине не удаётся имитировать? Придерживая голову Мариши, Глеб подумал: компьютер не может понять – следовательно, имитировать – категорию женского. Он учтёт феномен деторождения, разделение людей на два пола, гендерные принципы поведения – и всё равно проколет, потому что машина не Мариша, она не сможет захотеть отсосать. Женщина – это то, что отличает мужчину от робота.

Глеб помнил, что Тьюринг разработал свой тест на основе старой игры, в которой ведущий угадывал, где мужчина, где женщина. Своего воображаемого робота Тьюринг усадил на место женщины. У него, у Алана Тьюринга, вообще были проблемы с этим вопросом...

Глеб понимал, что Мариша в данный момент очень старается, но решил, что сможет сделать сразу оба дела... Он тихонько взял со стола планшетник и в «ДиКСи-поиске» набрал «Алан Тьюринг».

Тьюринг прожил только сорок два года, но его идеи легли в основу всего софта современной цивилизации. Он был героем Второй мировой, потому что взломал неуязвимый код супермашины «Энигма», которая шифровала переговоры авиации и флота нацистов. А ещё Тьюринг был геем, его судили и в наказание обрели на гормональные инъекции, которые должны были вернуть его к гетеросексуальности. Но на деле инъекции кастрировали Тьюринга, и у него выросла женская грудь. В 1952 году измученный Тьюринг пропитал цианистым калием яблоко и откусил кусочек.

В общем, богохульник Алан Тьюринг поставил робота на место женщины, сам превратился в женщину и, как Ева – первая женщина, – обрёл смерть от яблока. А плод с древа познания Еве подсунил дьявол, который потом надоумил Тьюринга создать компьютер – эту чуму человечества. Тот же самый дьявол, издеваясь, подсказал Стиву Джобсу и лейбл для Apple, главной фабрики компьютеров: яблоко, надкушенное доверчивой Евой и нечестивым Тьюрингом...

Кабуча давно уже смотрела на Глеба снизу вверх.

– Эй, мужик, тебе не кажется, что ты оборзел? – зло спросила она.

7

Глеб закрыл дверь за Маришей, задумчиво прошёлся по кабинету, остановился у тёмного окна, глядя на цепочку оранжевых огней вдоль Алтуфьевского шоссе, и закурил. Он всем был доволен. Ему тридцать восемь, у него престижная работа, перспектива. Его ничто не обременяет. Кабуча вот мечется, пытается вернуть молодость, а он доволен. Ни к чему былой гон за бабами, за драйвом, за успехом. Кто гонится, тот не догоняет.

Глеб сунул окурок в пепельницу, сел в кресло у стола, включил лампу и положил на колени планшетник. Он пообещал Марише, что подбросит её домой, и поэтому сейчас у него образовалось два свободных часа, пока Мариша доделывает свои дела. Глеб полистал новости, посмотрел обновления на интересных сайтах и отправил в Твиттер новое сообщение: «Уговаривал Захара Прилепина завести блог в „ДиКСи-нете“. Захар не хочет. Назвал „ДиКСи лакшери“». На самом деле Прилепин отказался вести блог в «ДиКСи-нете», потому что ему некогда, но Глеб понимал, что пользователям «ДиКСи» приятнее быть luxury. Потом Глеб перешёл к себе в комьюнити.

Тут тоже не появилось ничего особенного, только умник Kiroros поместил очередную ссылку: «Здесь всё, что написано о чуме по-русски». Глеб понял, что ему этот Kiroros неприятен. Человеку нечего сказать от себя, и он долбит собеседников ссылками. Но поскольку мониторинг доступен любому, у кого есть на это время, мониторингом шибко-то не самовыразишься, и Kiroros убивает разговор, вываливая сразу весь контент. Глеб пошёл по ссылке.

Это был грандиозный труд «Очерки истории чумы». Научный подвиг, наверное, дело жизни. Авторами были учёные-биологи Михаил и Надежда Супотницкие. Они описали чуму от времён филистимлян до конца двадцатого века. У этих Супотницких явно был литературный талант. Очерки назывались гулко и зловеще: «Чума в Лондоне – гибель благополучных», «Чума от дьявола», «Великий чумной излом», «Дремлющая чума»... Н-да, Глеб заказал бы такую

книгу в OZONe...

Открывались не все очерки. Глеб начал рассматривать картинки в тех новеллах, что были доступны. И скоро он понял, что чума – это смертная казнь длиной в три дня. В старину от малярии и оспы умирал каждый пятый заразившийся, от холеры и тифа – каждый второй, от чумы – каждый. Чума была самой страшной болезнью для человека, а самой страшной болезнью для человечества на все времена стала чумная пандемия Чёрная Смерть.

Глеб вернулся к оглавлению и нашёл Чёрную Смерть. Этот сюжет авторы не стали скрывать. Время есть. Итак, жуткая Чёрная Смерть...

Она родилась примерно в 1320 году. В пустыне Гоби жестокая засуха выгнала из нор миллионы сурков-тарбаганов и крыс-пищух. В поисках пищи полчища грызунов двигались через кочевья монголов. Среди крыс и сурков началась эпизоотия. Для людей она превратилась в чуму. Из мёртвых просторов Гоби отощавшие лошади кочевников привезли в города зачумлённые монгольские кибитки с раздутыми трупами, на которых кишели чумные блохи.

Монголы тогда были владыками Евразии. Они правили от Адамова моста, что вёл с земли прямо в рай, до Боспора Киммерийского. Под халатами монголов чума проехала в ворота Великой Китайской стены. В жарких и влажных субтропиках чума обосновалась надолго, и через пятнадцать лет в Индии и Китае вымерла половина населения. Даже у самих монголов хан Ток-Темур и его сыновья вдруг покрылись бубонами и откочевали прямо к Тенгри, богу высокого синего неба.

Поведение чумы казалось осмысленным, словно ею и вправду управлял демон Абракадабра или сам сатана. Отожравшись в зарослях баньянов и бамбука, чума набрала сил для похода через горы, степи и пустыни – в Европу. Чуму понесли тумены, конные полки чингизидов.

В конце девятнадцатого века русский археолог Хвольсон нашёл страшный след того броска Чёрной Смерти на другой край континента. На берегу озера Иссык-Куль Хвольсон раскопал кладбище христиан-несториан, беглых еретиков, которые прятали в облачных горах Тянь-Шаня мощи евангелиста Матфея. Судя по датам на могильных камнях, несториане погибли в 1339 году. Ими чума пообедала на пути к цели – к Европе.

В 1346 году Чёрная Смерть пришла на Ахтубу, двойник Волги, в цветущий город Сарай-аль-Джедид, столицу Золотой Орды. Умолкли муэдзины на минаретах, гной потёк по арыкам, и только шайтан мог дышать в смраде мёртвых бань и караван-сараев. Татары и монголы лежали по дворцам и дуванам огромными грудями, беки вперемежку с рабами, и русские летописцы записали: «не бысть кому погребати их».

Потом ордынский хан Джанибек привёз чуму в Крым. Хан осадил генуэзскую колонию Каффа, нынешнюю Феодосию. Генуэзцы стойко защищались. С моря флот обеспечивал их припасами. Победа хану Джанибеку не светила. Но крысы, пожирающие убитых, не видели разницы между осаждающими и осаждёнными. Они шныряли туда-сюда из лагеря татар в цитадель генуэзцев и переносили заразу. Войска хана ослабли от чумы настолько, что Джанибек снял осаду и ушёл от Каффы ни с чем. А генуэзцы тоже не захотели оставаться в зачумлённой крепости, сели на свои галеры и угребли в Геную.

По Чёрному морю плыл флот Чёрной Смерти. Он протиснулся в щель Босфора и выпустил чуму на Константинополь, который тогда был вотчиной итальянских торговых республик. Паруса генуэзцев ещё не потерялись в сиянии Мраморного моря, а в огромном городе уже забили чумные колокола и задымили чумные костры. Чёрная Смерть унесёт три четверти жителей Константинополя и даже византийского принца Андроника.

Чумной флот, начиная умирать, скользнул сквозь Дарданеллы и рассыпался в архипелагах Эгейского моря. Чума выкосит Александрию Египетскую и волшебные Афины, раскатится по Балканам. Генуэзцы, изжариваясь и сгнивая заживо, мазнули смертью по Кипру. Здесь с мором совпал удар цунами, и обезумевшие от бедствий киприоты-христиане во всём обвинили мусульман. Христиане достали ножи и перерезали служителей дьявола, а потом победители легли и умерли.

Ничего не соображая от чумы, генуэзские галеры лезли в гавани Сицилии, как больные собаки в дом: тыкались в Таормину, Катанию, Сиракузы. Дурная слава уже опередила беглецов из Каффы – их гнали отовсюду. Они отползли, а чума осталась. Остров охватила паника. Герцог Джованни укрылся от эпидемии в замке Святого Андрея – и вскоре умер. Тогда на Сицилии началась гражданская война.

Генуэзцы всё-таки добрались до родины – до Генуи. Но отцы и дети моряков встретили зачумлённые галеры ливнем горящих стрел и камнями, летящими из катапульт, что были установлены на причалах. Горожане отгоняли чумной флот обратно в море. Генуя отсрочила чуму на два месяца, но потом зачумлённые моряки всё же найдут, где им сойти с галер, и проберутся в город по просёлочным дорогам.

Преданный и проклятый чумной флот не мог плавать вечно, а люди надеялись на чудо и не хотели издохнуть на плаву. Зачумлённые корабли крались вдоль побережий, ища пристанища, и разносили чуму по цветущему Средиземноморью. От больших и малых гаваней, из гостеприимных бухт Чёрная Смерть двинулась вглубь континента.

Это была небывалая чума, которая брала неприступные крепости и многолюдные города, которая пробиралась и в самые суровые обитатели, и в прекрасные дворцы. Чума катила по дорогам Европы сбитые королевские короны. В Арагоне умерла королева Элеонора, в Париже – королева Жанна Бургундская, в Наварре – королева Иоанна II. Испанский король Альфонс XI осаждал цитадель Гибралтара – и за один день сгнил в своём походном шатре. В Бордо из ликующей толпы чума бросила букет британской принцессе Джоанне, которая ехала на свадьбу с принцем Педро Кастильским, и юная принцесса обвенчалась с могилой, надев саван вместо фаты.

Европа истолковала чуму как божий гнев. Священники говорили, что небеса разозлились на последнюю моду – на башмаки с длинными и загнутыми носками. Чуму сочли всадником Апокалипсиса, у которого «конь блед» и которому имя – Смерть. Шведский король Магнус II, босой, сам возглавлял покаянный крестный ход.

С мольбами защититься от чумы в Рим со всех концов Европы кинулось два миллиона паломников. Они приносили деньги, а уносили заразу. В живых из этих паломников остался только каждый десятый, и папа Климент VI особой буллой обязал ангелов отправлять в рай всех, кто умер на римской дороге. Сам папа в это время сидел в новом дворце в Авиньоне между двумя жаровнями, где тлели благовония, и сжимал в кулаке волшебный изумруд, отгоняющий чуму. Персону папы охранял лучший французский врач Ги де Шолиак, который сказал честно: медицина бессильна, всё в руках божьих, аминь.

В Авиньоне не хватало места для погребения умерших, и папа освятил реку Рону: трупы сваливали с телег прямо туда. Господь не хотел помогать своим детям. Умер даже епископ Катании, который для спасения Мессины вёз воду, освящённую на раке святой Агаты. Кое-где спасителем от чумы сочли святого Себастьяна, потому что в одном городе чума улеглась, когда в храме устроили придел Себастьяна, но мученик помогал плохо. Никто тогда ещё не знал, что уже появился настоящий чумоборец – святой Рох из Монпелье.

В годы Чёрной Смерти Франция вела войну с Англией. У города Кале после битвы английским рыцарям достались большие трофеи. В то время в Англии особенно ценились пышные платья французских дам. Рыцари повезли добычу домой. Так в женских кружевах из Кале в Бристоль приехала чумная блоха. И чума сразила всё королевство.

Почему-то в Англии от чумы погибали не только люди, но и скот. Знать и король Эдуард III бежали из зачумлённого Лондона, а народ запирали в храмах епископов и священников, чтобы те не удрали, подобно пэрам, а разделили судьбу прихожан. Узнав о беде англичан, их враги шотландцы тотчас снарядили свою армию в поход. Но в битве в Селкиркском лесу англичане всё равно разбили шотландцев, и те убралась восвояси – уже с чумой на плечах. Чёрная Смерть убила треть жителей Шотландии: уцелели те, кто отсиделся в горах.

Мёртвый чумной корабль с грузом английской шерсти попался в Северном море рыбакам из Бергена. Норвежцы не удержались от поживы и ограбили мертвецов. Так чума приехала в Скандинавию. Здесь она выкосила четверть населения, в том числе и последних викингов, что жили в глухих деревушках на гренландских фьордах.

Варяжские купцы принесли чуму на северную Русь – туда, куда её ещё не принесли татары. Первым заболел Псков и призвал епископа новгородского Василия. Епископ приехал, помолился – и увёз домой чуму. Умерли и те, кто звал священника, и сам епископ, и его свита. Чума побежала по Новгороду, Киеву, Суздалью и Смоленску, забрала великого князя Симеона Гордого и весь его княжий двор.

Чёрная Смерть начала стихать в 1351 году. По разным оценкам, она убила от двадцати до тридцати пяти миллионов человек. Погибла половина жителей Европы – такого процента жертв не будет даже во время мировых войн. Всего же по миру та эпидемия унесла семьдесят восемь миллионов жизней. Волны

чумы, слабея, хлестали ещё до конца четырнадцатого века, но их уже нельзя было и сравнивать с Чёрной Смертью.

Как известно, всё, что не убивает, делает нас сильнее. И Европа только окрепла от Чёрной Смерти. Эта чума сожрала Средневековье. Беспомощность церкви перед лицом жуткой пандемии породила те сомнения, которые потом превратятся в Реформацию. Медицина получила мощный толчок к развитию. Рабочих рук не хватало, потому хозяева занялись механизацией труда, а работники – борьбой за свои права. Обескровленные ремесленные цеха открывали свои двери для чужаков. Трудоёмкое земледелие потеснилось, уступая скотоводству. Земли теперь хватало всем, а капиталы обретали новых хозяев взамен умерших. Устраняя раздражители классового гнева, власти принимали законы о роскоши: сколько можно иметь лошадей в упряжке и блюд на обеде, какой длины должен быть шлейф у дамы и какой величины свора у сеньора. За чумой началось Возрождение.

Интересно, что через шесть веков учёные вдруг усомнились в том, что Чёрная Смерть была чумой. Может, Чёрной Смертью назвали тиф, малярию или вообще неизвестное заболевание, которого нынче уже нет? Имелись веские аргументы. Никакая эпидемия не уносила половину человечества – ну, десятую часть, не более. И никакая болезнь не летела по миру с такой скоростью, как Чёрная Смерть.

Да, для определённых форм чумы было характерно почернение мертвецов – это под кожей разливалась кровь из лопнувших сосудов. Но при Чёрной Смерти не было массовой гибели заражённых крыс, как обычно при чуме. Бубоны – воспаления лимфоузлов – почему-то появлялись у людей вовсе не там, где кусают блохи. Эпидемия не унималась зимой, когда насекомые прячутся. Больные не задыхались, не харкали кровью и до смерти не смердели.

Ещё Чёрная Смерть характеризовалась истеричным поведением заражённых. Очевидцы описывали чумные города, где в окнах домов орали и кривлялись потерявшие разум люди. При обычной чуме такого не бывает. С того времени появилось выражение «чумовой» или «очумелый» – то есть тот, кто кричит, суетится, размахивает руками.

Разгадывая эти загадки, французский эпидемиолог Дидье Рауль в 1997 году вскрыл во Франции два чумных рва 1350 года и из останков выделил ДНК вируса. Всё-таки Чёрная Смерть оказалась чумой.

Кабуча жила в Митино, в панельных высотках спальных районов. Глеб свернул с Пятницкого шоссе на проезд вглубь квартала, и Кабуча указала, где остановиться.

– Подождёшь, пока я на флэт залечу? – Кабуча рылась в сумочке, отыскивая ключи. – Дудонят, что появился новый митинский маньяк.

– Подожду.

– Вот эта бздэма ёбская... – Кабуча с трудом вытащила длинную гроздь ключей и брелоков. – Бля-а... Я тебе на трубку смайлик сброшу.

– О'кей.

Кабуча наклонилась через подлокотник и чмокнула Глеба в скулу.

– Хороший ты ышник, Глеба, – шепнула она и, не слушая ответа, сразу выскочила из машины.

Глеб сидел, ждал, смотрел по сторонам. В холодной и плотной тьме ноября россыпи горящих окон выявляли объёмы домов-башен. В лобовом стекле машины Глеба эти объёмы постепенно расплывались цветными пятнами, но вдруг оживала тонкая лапка дворника, протирала стекло и возвращала высоткам чёткость очертаний.

Сейчас Кабуча поднимается в лифте и боится, что на тёмной площадке у дверей на неё нападёт маньяк. Что ж, в огромной Москве случается всё, что может случиться, и происходит всё, что должно. Сколько детишек сейчас заплакали в постелях оттого, что в темноте им внезапно открылся ужас собственной бренности? Сколько девушек закричало в этом мраке от боли, теряя девственность? Сколько стариков, лежащих на кроватях, потянулись к настольным лампам, ощутив, что ноги отяжелели и похолодели, – значит,

наступает смерть.

Айфон мелодично булькнул – это прилетела SMS Кабучи. Жёлтый смайлик: рожица тёрла глаза кулачком и махала рукой, прощаясь.

Глеб тронул машину и порулил к выезду.

Похоже, на него чересчур сильное впечатление произвела статья о Чёрной Смерти... Чернота и тьма всегда означали гнетущую тяжесть вечных вопросов, обречённость на печаль, неизбывные горести жизни. Глеб о них знал и помнил, но не хотел думать про всё про это. Придёт время – и нахлобучит каждого, значит, незачем сейчас горевать по тому поводу, по которому неизбежно придётся горевать позже.

Свет – единственное спасение от этой тьмы с её бестактными и навязчивыми напоминаниями. Как-то, кажется, в «Афише» Глеб видел картинку ночного освещения планеты Земля. Оказалось, не густо. В России – две лужицы на месте Москвы и Питера, несколько звёздочек областных городов, каёмка черноморского берега и поясok Транссиба. Всё. А вокруг – огромные пространства без огней, как без людей.

Эти освещённые зоны – единственно пригодные для жизни. Здесь тебя не будут обливать мрачными истинами, которые и так давным-давно известны. Здесь тебе не испортят настроение. Здесь общество потребления. Из этих зон изгоняется реальный мир. От него и так всюду невпротык, нужно же хоть где-то перевести дыхание. В любом большом городе России Глеб мог бы найти такую вот зону света, зону свободы от реальности, но везде он ощущал бы эту зону как остров. А какая же свобода, если ты на острове?

Ощущения острова не было только в Москве. Москва жлобская и скотская, она остоебенила своими проблемами, но она – не остров. Потому Глеб и прорвался сюда. По образованию он был филолог, учился хорошо, на память никогда не жаловался и формулировал предельно точно: он был немолодым хипстером в Москве, ибо не хотел жить с зубной болью, которая называется экзистенция.

Он выехал на Волоколамское шоссе и поднырнул под бетонную реку МКАДа, по которой катились волны огней. После размашистых виражей развязки слева показалась церковка: зазубренный поверху краснокирпичный объём и фигурная

колокольня с куполом. Храм был подсвечен, и чудилось, что он стоит в каком-то гроте, в пещерке.

Глеб подумал, что в своём стремлении прорваться в Москву он не случайно отыскал работу именно в «ДиКСи». Он хотел находиться в обществе потребления. В освещённые зоны общества потребления не пускают реальный мир, как бомжей на улицу Кузнецкий Мост. А «ДиКСи» не допускает к пользователям нежелательную информацию. Напрасно на том эфире у Глеба Гурвич орал, что «ДиКСи» – информационный коммунизм: «каждому, бля, по потребностям». Да, конечно. Но «ДиКСи» – в первую очередь девайс консюмеризма, а не коммунизма. Этот портал – орудие информационного потребления мира. И судьба мудро приставила Глеба туда, куда он стремился. Ему, филологу, не в банке же работать. Не в Газпроме. И не в бутике Christian Louboutin.

Волоколамское шоссе влилось в Ленинградку. Напротив двойного павильона метро «Сокол», который круглыми плечиками раздвинул громады жилых девятиэтажек, Глебу пришлось затормозить. Вся Ленинградка впереди тлела алыми углями вставшего потока. И вдруг Глебу показалось, что на заднем сиденье у него кто-то сидит.

«Лексус» Глеба был зажат с обеих сторон другими автомобилями, никто не мог в него проникнуть. Но и выбраться Глеб тоже не сумел бы, и это почему-то пришло в голову в первую очередь. Если бы кто-то залез в машину, Глеб, пристёгнутый ремнём, оказался бы в полной власти у незваного гостя. Глеб глянул в зеркало: сзади никого не было. На полке за спинкой дивана валялся номер «GQ» с Томом Фордом и голыми девичьими попками на обложке, вот и всё.

Глеб начал напряжённо всматриваться в корму стоящего впереди «вольво-седана». Он старался разобрать номер, заляпанный грязью, словно этот номер нужно было знать для поиска свидетеля, но на самом деле Глеб прислушивался. Мягко фырчал мотор, гудел кондишн, снаружи доносились невнятные звуки толпы у метро, далёкие гудки.

Сзади кто-то дышал. Очень тихо. Нет, это не дыхание... Это стук сердца. В машине, запертой в пробке, в пустом салоне стучит чьё-то сердце. Или Глеб слышит своё сердцебиение?.. Глеб положил ладонь себе на грудь, будто хотел заглушить пульс. В голове вертелись какие-то нелепые слова из песни времён его юношеской любви к советскому говнороку: «Затрубит во мраке сердце, я

бегу к тебе, бегу и бегу...»

Почему сердце «затрубит»? Что за дурацкое слово, дурацкое, страшное, страшное... Почему сердце во мраке? А что, раньше оно не стучало? А теперь вдруг затрубило – мёртвое?.. Это песня «Сержант Бертран». Какой-то французский некрофил, он трахал покойников, а потом их полуразложившиеся тела резал на куски. «С каждой ночью лучше пахнешь, лучше таешь, это просто шарман...» Глеб отстегнул ремень и навалился животом на подлокотник, разглядывая через просвет между передними креслами задний диван. Конечно никого!

Снаружи заквакали сигналы: поток тронулся, Глеба подгоняли.

Глеб поехал, и сразу его окатило облегчением, хотя в зеркало Глеб увидел, как у номера «GQ» на задней полке вдруг перевернуло обложку, а потом начало медленно листать страницы, будто какой-то невидимка просматривал журнал от скуки. Но это уже не было страшно. Наверное, журнал ворошило ветерком от кондишна.

Слева проплыли ярко освещённые изнутри арки вестибюля метро «Аэропорт», а потом, за неоновой панелью гостиницы, движение опять замедлилось, и наконец Глеб вместе со всем проспектом остановился, имея перед собой роскошный и открыточный вид на Путевой дворец. Башни, стены флигелей и стрельчатые окна дворца были высвечены прожекторами, а плоский купол повис в темноте, как парашют.

Невидимка, что ехал на заднем диване, утихомирился, и Глеб закурил, пережидая затор. Красно-бело-золотые готические кружева дворца как-то примиряли с потерей времени. Пёстрая и карамельная эффектность Москвы была карнавальная, сказочная, невинная.

Рядом с машиной Глеба, почти вплотную, в крайнем левом ряду стояла и тархтела чудовищная «девятка» с тонированными стёклами. Глеб смотрел, как у неё дрожит крышка капота и по крышке ползёт грязная снежная россыпь. Вдруг чёрная блестящая пластина окна «девятки» толчками поехала вниз, и Глеб увидел в салоне колымаги на правом переднем месте старуху в меховом картузе.

Старуха наклонилась, с трудом высунула левую руку из своего окошка и постучала пальцем в стекло дверки возле Глеба. Белый, треснувший пополам ноготь старухи цокал, словно пластмассовый.

Глеб нехотя нажал на клавишу и приспустил своё стекло.

- Что вы хотите? - спросил он в щель.

Старуха, виновато улыбаясь, что-то ответила. Глеб не услышал и опустил стекло до конца.

- Что вы хотите? - повторил он.

- Сынок, - ласково сказала старуха, - пока стоим, сынок, дашь сто пиисят, если отсосу?

Глеб не поверил своим ушам, не поверил глазам.

- Тебе ж всё одно, кто тебе сосёт, а баушке будет к пенсии...

«Сумасшедшая, что ли?» - хлестнула Глеба догадка.

От омерзения Глеба передёрнуло, и он промахнулся пальцем мимо клавиши стеклоподъёмника. А старуха вдруг вцепилась в дверку машины Глеба и перекрыла ладонью стекло, не давая ему подняться. Глеб с силой надавил на клавишу. Он знал, что рукой не удержать движение стекла вверх, но старуха как-то удерживала!

Она тихонько засмеялась, и Глеб увидел её зубы: не резцы, а сплошь собачьи клыки, только вот какие-то сгнившие, бурые. Глеб заскулил от ужаса и принялся один за другим отдирать костяные пальцы старухи от своей дверки. Старуха задрожала и отдернула руку.

Стекло поехало кверху и отделило Глеба от улицы. Старуха насмешливо кивнула Глебу и отодвинулась вглубь «девятки», в тень.

Глеб не знал, что такое творится вокруг. Сердце торкалось где-то в животе. Вся эта херня стряслась на фоне дивного Путевого дворца – словно красавица разделась, чтобы лечь с тобой в постель, но ты увидел, что всё её тело покрыто вздутыми чумными бубонами...

Сзади опять заквакали и загудели автомобили – это пробка поехала, а Глеб стоял. Слабо соображая, он убрал ногу с педали тормоза и покатился вперёд. За дворцом и парком проплыл павильон входа на станцию метро «Динамо» и выгнутый массив стадиона, затем Глеб автоматически повернул на съезд к Беговой улице.

Он двигался в общем потоке и вдруг увидел кровь у себя на сгибе указательного пальца правой руки. Это он поцарапался о мёртвые ногти старухи, когда отдирает её клешню от дверки. Глеба затрясло. Вдруг он подхватит какую-нибудь чуму?.. Не убирая правую руку с руля, Глеб принялся мять порезанный палец, выдавливая кровь. Порез набух, но кровь не текла. Отсосать, что ли, кровь, как змеиный яд?.. Дашь сто пиисят, если отсосу?.. Глеб едва не блеванул.

По мосту он пересёк железную дорогу, дальше свернул направо и поехал вдоль ограды Ваганьковского кладбища, над которой меж фонарей громоздились обледеневшие кроны деревьев. Вдали в чёрном небе призрачно сияли башни Москва-сити, словно привидения hi-tech. Глеб вспомнил, что Ваганьковское кладбище – чумное. Господи, кто только не был здесь похоронен, половина русской культуры, а Глеб вспомнил лишь то, что в его комьюнити написал юзер Kuporos!

Тут Глеб почувствовал вонь. Отвратительный смрад разложения, сладковатый, липкий и жгучий. Сначала смрад скользнул в одоранте кондишна тонкой ниточкой, коснулся сознания один раз, коснулся другой раз, и вскоре Глеб понял, что эта вонь присутствует постоянно. А потом она стала усиливаться, делалась гуще, жирнее, сочнее.

Глеб понял, что дышит ртом, лишь бы не ощущать трупный запах. «С каждой ночью лучше пахнешь, лучше таешь, это просто шарман...» При вони дышать ртом – это как жевать сладкую тухлятину... У Глеба булькнуло в горле. Глеб сглатывал, кадык перезаряжал дыхание, словно затвор в винтовке. Да что же это такое? Откуда эта вонь? С чумного погоста? Какой чумной погост, ты охерел? Это национальный некрополь! «Тлетворный дух... – шепнул в памяти студент-филолог Глеб Тяженко. – Смердяков... Тлетворный дух от старца Зосимы...

Лизавета Смердящая»... Хоть бы глоток чистого воздуха!

После старухи страшно было опускать стекло, хотя чудовищная «девятка» улетела давным-давно неведомо куда. Глеб нажал клавишу. Стекло поехало вниз. И вмиг вонь исчезла. Грудь у Глеба раздулась, точно её распёрло изнутри повышенным давлением. Глеб глубоко хапнул морозный смог мегаполиса, кислый от бензиновых выхлопов.

Что-то кольнуло в левое запястье. Глеб дёрнулся и поднёс руку к глазам, будто посмотрел время на часах. На запястье сидела какая-то крохотная тварь. Насекомое. Блоха. Это она укусила Глеба.

Со старухи, что ли, прыгнула? Блохи, вши, гниды, парша... Что же за гадость сегодня вокруг?.. Теперь Глеба кольнуло в шею. Потом он почувствовал, что очень лёгкая, но вполне ощутимая блоха упала ему на щёку. Он включил плафон на потолке и едва не вскрикнул. Блохи были везде. Они прыгали и летали вокруг, падали на кожаный руль, на приборную панель, на рукава кашемирового пальто Roberto Cavalli.

Глеб почувствовал, что эти твари ползают по его телу под одеждой – под водолазкой и брюками, под майкой, трусами и носками. Глеб мгновенно взмок. Всюду заудело: под мышками, в паху, между лопаток. Глеб заелозил. Ему стало невыносимо, будто он надел одежду на мыльное тело. Даже не так: будто он надел пропитанную потом и гноем одежду чумного мертвеца. И чумные блохи с покойника перебрались на него. Каждый их укус страшнее, чем укус бультерьера.

Глеб вывернул руль, паркуя свой «лексус» у ближайшей обочины, включил аварийку и вывалился наружу, рискуя быть сбитым той машиной, что налетит сзади. Он перебежал на тротуар и, дёргаясь, принялся сдирать с плеч пальто, но запутался в шёлковом кашне.

Блоха укусила Глеба в губу, и губу тотчас засадило – словно сама гнилая красавица чума ошпарила её поцелуем. Глеб больше не смог сдерживаться. Он упёрся в «лексус» обеими руками, наклонился, и его вытошнило на колесо.

Глеб взял себя в руки. Всё-таки он в центре Москвы, а не где-то в зачумлённом городишке Алжира. Почему Алжира? – подумал он. – Тьфу! Это всё самовнушение. Наваждение. Глюки. Нет никаких чумных блох, трупной вони, старухи-минетчицы... Он напридумывал себе страхов.

Из бардачка автомобиля Глеб достал упаковку влажных салфеток и принялся вытирать руки, потом шею и лицо. Прохожие шли мимо, никто не оглядывался, не останавливался. Глеб почувствовал, что замёрз. Наверное, ему надо ехать дальше. «Лексус» ожидающе подмигивал красными фонариками аварийки.

Глеб смотрел в перспективу улицы, которая здесь выглядела как аллея парка. Вдали её перегораживала стена огня Звенигородского шоссе, а сверху глухо перекрывало чёрное небо, громоздкое и совсем неуместное внутри Третьего транспортного кольца, будто раскрытый старомодный зонт в вагоне метро. Нет, Глеб всё равно не мог снова забраться в автомобиль и катить домой. Следует успокоиться, выпить чего-нибудь, расслабиться. Есть же услуга «трезвый водитель»... Он и доставит потом Глеба вместе с машиной по адресу. Да, именно так.

Глеб вынул айфон, чтобы посмотреть, где ближайший ресторан или кафе. «ДиКСи-поиск» указал клуб HLEB – совсем рядом, через перекрёсток. Глеб оценил себя: одет вполне подходяще – клубный пиджак Ketroy цвета «арабика», синяя водолазка Armani, тёмные джинсы Martin Custom, ботинки Tommy Hilfiger. Вполне casual.

Глеб поставил «лексус» на сигналку, поднял воротник пальто и, сутулясь от холода, поспешил в сторону клуба. Он перебрался на нечётную сторону Звенигородки и свернул за угол дома, куда указал навигатор. Вход в клуб находился в глубине аккуратного дворика, над которым соорудили конструкцию из гнутых ферм – раму под летнюю полотняную крышу. Во дворе стояли и курили посетители клуба.

Жёлтая стена вокруг железной двери была изрисована граффити. Вытягивая дверь за ручку, Глеб подумал, что клуб, похоже, создан в стиле журнала «Афиша», обозреватели которого пинками гриндерсов вбивают родной самопал в форматы мировых трендов.

В клубе оказалось неожиданно многолюдно, Глеб понял, что скоро начнётся выступление. Судя по разговорам, толпа явилась на концерт группы «Муха», от которой нынче пёрлись все, кому непременно надо от чего-нибудь переться. Толпа – это хорошо. В ней не страшно.

Глеб заплатил за вход, разделся, ёжась, протолкался к барной стойке, дождался бармена и заказал себе сотку «Джонни Уокера», а потом со стаканом в руке протиснулся за столик. Вообще, Глеб не любил клубного гама и концертной толчеи. Он надевал пиджак Ketroy цвета «арабика» и заказывал виски «Джонни Уокер» не затем, чтобы его, матерясь, пихали локтями, как в привокзальной пельменной. Но сейчас уж лучше так, чем там, в ночном ноябрьском городе, где если и обдует вдруг теплом, то это будет воспалённый жар чумного тления.

Глеб замотал головой и торопливо глотнул виски.

Свет вокруг погас, и гулко включился микрофон.

– Добрый вечер, друзья! – Усиленный голос диджея добирался до всех закоулков клуба. – Добрый вечер! Добрый вечер! Сегодня с нами... группа... «Муха»! И вы сразу узнаете эти ноты!

Клуб состоял из нескольких просторных и пустоватых помещений. Танцпол был огорожен квадратными бетонными столбами, и толпа, что топталась там, загудела, приветствуя музыкантов. Темноту над танцполом продырявили цветные прожектора. В облаке света на сцене среди аппаратуры и блестящих инструментов задвигались гитаристы и ударник. Между ними энергично, как надсмотрщик, расхаживала девушка в сиреневом платье и в сапогах.

– Саша! Сашка! – закричали из толпы.

Глеб вспомнил: фронтменшу группы зовут Саша Че. «Че» – Чума? Нет, это раньше в ротации был какой-то «Вова Чума»... Точнее, какой-то Иракли... Какая-то херь... «Расточительный взгляд, стильный-модный заряд, у него э-ге-гей, искусительный змей, Во-во-во-во-во-ва Чума!..»

Глеб снова приложился к вискарю.

– Такая шутка у богов, – с чувством запела Саша Че. – Нам в руки, как игрушку, дать любовь. Её ломаем мы, и будто ни при чём...

Танцпол взвыл, узнавая песню.

Каждому, бля, по потребностям, размышлял Глеб. Ему, Глебу, – НЛЕВ, «Хлебу» – «Муха», танцполу – Саша Че в сапогах, клиентам – вискарь «Джонни Уокер»... Москве – стробоскопы и фаерболлы ночных клубов, темноту ноября и чуму, идущую по заснеженным улицам. «Зажжём огни, нальём бокалы, утопим весело умы – и, заварив пиры да балы, восславим царствие Чумы!» Понятно, это не Иракли. И даже не Саша Че. Это Пушкин, всё тот же «Пир во время чумы».

Почему меня атакуют чумные кошмары? – думал Глеб, закуривая. – Потому что моя жизнь – пир? Да, я живу для своего удовольствия. У меня нет ни жены, ни детей, ни любви, ни великого дела. Моя работа – обслуживание пустопорожних сервисов. А где-то рядом настоящее горе и подлинная боль. Ну а что – я? Я не страдалец за народ, не ВПЗР, не правозащитник, не святой, даже толком не журналист... Я немолодой хипстер, читатель «Афиши» и «GQ», небольшой начальник в интернет-компании «ДиКСи». Я здесь не потому, что украд у нищего последнюю копейку, а потому что меня дома апатия замучила.

В этом городе можно спастись. Да, по большей части его страсти – бесталанные и мелкие. Но не надо всё понимать буквально. «Царица грозная, Чума, теперь идёт на нас сама»... Дескать, Москва – пир, а вокруг погибель, и демоны смерти пошли войной на благополучных...

Я, Глеб Тяженко, не отвечаю за благополучие пирующей Москвы. Не отвечаю за тех, кто сбежал сюда от чумы. И не отвечаю за тех, кто остался в зачумлённых городах. Мы скорбящие, но не лохи. Почему же чумной морок попал именно на меня? «Ужасный демон приснился мне: весь чёрный, белоглазый... Он звал меня в свою тележку. В ней лежали мёртвые – и лепетали ужасную, неведомую речь»... Пушкин!

– Гоголь «Мертвых душ» спалил секрет, – весело пела Саша Че. – Google нам не сможет дать ответ. Продолженья ждали, только вот сиквела не будет: Гоголь жжот!

Или же нет никаких демонов? – подумал Глеб. – Есть авитаминоз, усталость и филологическое образование... Как там у Нашего Всего: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъярённом океане, средь грозных волн и бурной тьмы, и в дуновении Чумы»... Ага, «бездны мрачной на краю»... Если долго глядеть в бездну, бездна поглядит в тебя... Начав с Абракадабры, Глеб что-то загрузился темой чумы... Вот демоны и явились: на Глеба посмотрела сама бездна.

Он допил виски. Что дальше? Дальше он выпьет ещё алкоголя и склеит какую-нибудь девчонку, чтобы увезти к себе домой. Ночевать сегодня в одиночку Глеб не рискнёт. Филология – авитаминозом, но ему всё равно дома будет страшно. Да и с Кабучей ничего же не получилось, так что и без дженериков найдётся порох в пороховницах.

Глеб осмотрелся. Толпа мельтешила у колонн танцпола, у бара все столики были заняты – в основном компаниями. Подальше был ещё один большой зал и другой зал поменьше, с бильярдом. Сидя в углу, девчонку не подцепишь, вздохнул Глеб и принялся выбирать.

Он никогда не был клубным завсегдатаем и не наловчился играючи снимать тёлку на ночь. В науку пикапа он не верил: считал, что самовлюблённые хлыщи выдают экстерьер за интерфейс, чтобы выглядеть ещё и умниками. Сейчас он надеялся немножко на удачу, немножко на выпивку, немножко на деньги, немножко на возраст.

Он подошёл к стойке. Вот эти две девицы вроде бы ждали клиентов. Глеб посмотрел на увесистые задницы, выложенные на барных стульях, но рядом с ними свободного стула не имелось. Глеб прислонился к стойке, отделённый от девиц двумя юношами в очках и с хвостиками. Юноши сидели с кружками Heineken и спорили так, чтобы их спор слышали тёлки: а вдруг чего обломится?..

– Бэк эти гитарасты вообще не снимают.

– А ты от них гранжа ждёшь? Это отчаянные домохозяйки, хуле.

– Попсарня, Тимоха.

– Надо было на «Психею» идти. Там нормальные мазафакеры.

Тёлки равнодушно слушали спор и делали вид, что пьют коктейль, ожидая непонятно чего. Обе не походили на стерв и обе же были крашеными блондинками – видимо, для удобства идентификации.

– Что-то хотите? – дружески спросил бармен.

– Повторите, – попросил Глеб, придвигая стакан.

Юноши отгородили Глеба от девок, а девки не обратили внимания на клиента, для которого бармен наливал виски, булькая дозатором. Глеб замялся, не зная, как подкатить к тёлкам. Не торчали бы тут эти дровичлы с хвостами – было бы легче... Бармен понял заморочку Глеба и опустил голову, но Глеб успел заметить усмешку. Это его разозлило. Он надевал пиджак Ketroy цвета «арабика» и брал виски «Джонни Уокер» не затем, чтобы вот так вот жаться на отшибе с потной попой.

Н-да, куда проще звонить по номеру службы досуга или выйти на сайт «Красавица», поставить флажки в нужных окошках, настучать адрес и кликнуть «Сейчас»! Всё-таки телеком избавил от множества неприятных личных контактов. Глеб ещё раз посмотрел на блондинок и отошёл от стойки. «Ненавижу волос шотландских эту желтизну», – вспомнил он. Фраза была опять из пушкинского «Пира».

Группа «Муха» уже долбила Глебу в мозг: как-то быстро «Мухи» стало слишком много. Морщась, словно это помогало приглушать звук, Глеб заглянул в большой зал. Здесь, сдвинув столы, кучами сидели несколько молодых компаний. Все галдели, перекрикивая друг друга и музыку, пили пиво, ржали, обнимались. Можно ли здесь найти такую тёлку, которая согласится поменять свою тусу на незнакомого мужика? И стоит ли связываться с тёлкой, которая не нужна даже здесь?..

Блин, подумал Глеб, сколько всего лишнего, неточного... Телеком убирает этот мусор судьбы, выявляет главное – то, что запрашиваешь. Телеком – новое качество жизни, новый стандарт. И дело не в бабках, ведь тот же навигатор ведёт кратчайшим путём и богатого, и бедного. Наверное, был бы жив Гурвич, то придумал бы программу, скажем, «Рандеву»: набиваешь параметры – и получаешь желаемую встречу. Глеб настучал бы: «Я в клубе HLEB, мне нужна тёлка на ночь». И айфон бы через секунду выбросил фотку: ищи вот эту, она где-

то здесь...

В зале было два яруса, и за перилами верхнего яруса Глеб вдруг увидел Орли. Она сидела с друзьями, но держалась чуть отстранённо. Одета она была так же, как и в первую встречу с Глебом: толстый белый свитер и джинсы. Глеб подумал, что Орли, конечно, он на ночь к себе не затащит, – но можно поболтать с ней и убить время. А вот через двадцать минут подружить к тёлкам у барной стойки ему станет сподручнее, чем сейчас? В худшем случае Глеб будет немного пьянее – значит, немного смелее. И это тоже плюс пять копеек.

Глеб достал айфон, порылся в органайзере и нашёл номер Орли. Потом написал SMS: «Сказать вам, Орли, о чём вы думаете?» SMS улетела, а Глеб залпом допил виски и вернулся к барной стойке. Тёлки никуда не делись. Юноши тоже.

– Телеги у них вообще кривые.

– Я от такого сладкого саунда к стулу прилипаю...

Глеб уже не глядел на тёлку, ожидая виски. Звякнула SMS. Орли ответила: «Глеб, вы телепат? Ну и?» Глеб подождал припева у хита «Мухи» и набрал цитату: «Не жалею о них, и на место одного будет сто других». SMS улетела. Бармен поставил на стойку стакан с виски.

Глеб переместился обратно в зал и встал в тени бетонного столба, наблюдая, как на верхнем ярусе в гуще компании Орли наклонилась над айфоном, читая послание. Да, телеком есть телеком. Вживую Глеб не смог даже переговорить со шлюшками, что тёрлись возле бара, поджидая клиента вроде него. А с айфоном он вдруг законнектился прямо с Орли, к которой не подъедешь поддатый и невпопад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tn.knigapoisk.com/aleksey-ivanov/kom-yuniti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)